

Марьяна Сурикова

Гимназия Царима

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Марьяна Сурикова
Гимназия Царима

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Сурикова М.

Гимназия Царима / М. Сурикова — «АЛЬФА-КНИГА», 2019

Смутные времена давно канули в Лету, а славный род защитников обеднел, однако гордость его представителей до сих пор непомерна. Всем невестам богатых домов был дан отказ, ведь ни одна из них не устроила наследника некогда могущественного семейства. Нелегко оказаться в числе отвергнутых и еще сложнее столкнуться в стенах школы с новым преподавателем – несостоявшимся женихом, приславшим вежливый отказ. Жаль, что выбора нет, а у Провидения иные планы на выходца из древнего рода и меня, случайно оказавшуюся на его пути.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сурикова М., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	52
Глава 10	60
Глава 11	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Марьяна Сурикова

Гимназия Царима

Часть первая

Защитник

Глава 1

Письмо

Я в волнении буквально слетела по ступенькам роскошного особняка, рискуя поскользнуться на гладком мраморе, и подбежала к двери, когда отец уже поднялся на крыльцо с той стороны и взялся за медный дверной молоток. Чуть не пританцовывая от возбуждения, я все же не решалась торопить чопорного дворецкого, с достоинством отворявшего для хозяина тяжелые, инкрустированные редчайшим голубым мрамором створки. В нашем поместье каждая мелочь буквально кричала о богатстве и роскоши, хотя сам дом располагался в некотором удалении от общей дороги и более оживленных кварталов, стоя на отдельном холме, окруженном не менее внушительным парком.

– Папа, – я присела в поклоне, отшлифованном за два года усердных тренировок в элитной гимназии, – есть какие-то новости?

Отец, мама и Роберт уехали неделю назад, чтобы присутствовать на торжественном посвящении младшего брата в уорранты ферзевой гвардии под началом самого командира Этьена. Прославленный герой нашей страны вот уже более тридцати лет оставался на посту главнокомандующего. Брат был в полном восторге от перспективы служить под его руководством, а я с замиранием сердца ждала иных известий – о дате собственной свадьбы. Отец нарочно уехал от Роберта на день раньше, чтобы лично забрать из местного отделения связной конторы долгожданный ответ, не доверяя расторопности посыльного, а уж после вернуться домой и сообщить мне важнейшую новость.

– Роберт очень сокрушался, что тебя не было на его празднике.

– Ты передал, как безумно я стремилась попасть, но из школы не отпустили раньше? Только вчера удалось прибыть домой с попутным аэростатом.

– Они вернутся завтра утром, успеешь повидаться. Надеюсь, ты летела на механическом аэростате, а не на одном из модных нынче энгельферов? Не доверяю надежности их магических плетений.

– Конечно, папа. Я помню твои наставления и приобрела билет в первый класс.

– Умница. – Отец наконец покончил с долгим процессом раздевания, отдал верхнюю одежду дворецкому и протянул ко мне руки, поймав в крепкие объятия. – Смотри, как ты изменилась за три года... Ваша школа Царима просто творит чудеса.

– Там слишком строгие правила.

– Ну-ну, это только на пользу.

– Пап, – я подняла голову, просительно заглядывая в веселые карие глаза, – ты забрал письмо?

– Забрал, – усмехнулся отец и совсем как в детстве потрепал меня по волосам. – Идем в кабинет, узнаешь новость первой.

Просить дважды не пришлось, я скользнула в комнату следом и плотно притворила дверь, в волнении наблюдая, как он проходит к столу, садится в любимое кресло и серебряным ножиком вскрывает конверт.

Папа чуть пригладил пышные усы, просматривая письмо, и уже открыл рот, чтобы поделиться со мной известиями, как вдруг нахмурился и сжал губы.

– Что там? – Сердце тревожно екнуло.

Отец вскинул голову и внимательно посмотрел на меня. Таким же взглядом он порой отвечал на невысказанные опасения, например, когда однажды плача прибежала к нему и спросила, отыскался ли любимый щенок. Едва приметив это выражение в глубине его глаз, я внутренне сжалась.

– Отказ, дочь.

Убегавшая на второй этаж винтовая лестница, уютно прятавшаяся в конце коридора неподалеку от главной гостиной, была моим любимым местом в доме. Возможно, благодаря витражному окну, бросавшему на ступени и перила разноцветные блики. Картина, сложенная из разноцветных стеклышек, изображала красивую фею верхом на единороге. Сказочная и искусно выполненная работа неизвестного мастера мне казалась лучше всех прочих витражей, заказанных у столичных знаменитостей. Эта старая лестница пахла деревом, а гладкие, заново покрытые лаком ступеньки приятно поскрипывали под ногами. Если откинуть голову на подпиравший витые перила столбик, то можно немного отвлечься от грустных раздумий и сосчитать пальцами все завитки тончайшей резьбы, изображавшей разных животных.

На этой лестнице мне нравилось сидеть, глядя на окно, перила, ступеньки, здесь ощущался особый уют старины, витавшей в древнем поместье. Однако сегодня я спустилась и присела на нижнюю ступеньку с иной целью, внимательно прислушиваясь к доносившимся из открытой гостиной голосам родителей.

Роскошная комната была рассчитана на прием гостей, а тяжелые двери в ней заменяла высокая ажурная арка. В дождливые или холодные дни в гостиной разжигался огромный камин, способный отопить половину дома. И в этот пасмурный вечер, когда все помощники (мы никогда не называли работавших в доме людей слугами) ушли по своим комнатам, а мелкий дождик барабанил в окно, стекая вниз разноцветными каплями, папа с мамой присели у теплого огня.

– Что дочка? Спит уже? – послышался голос отца.

– Легла, – ответила мама и замолчала на несколько долгих минут.

До меня долетало тихое потрескивание горящих поленьев и шелест дождя за окном.

– Вот так взял и отказал? – вновь послышался мамин голос.

– Хочешь, письмо почитай.

– Да что там читать? – Она грустно вздохнула, а я прислонилась лбом к столбику и принялась обводить пальцем изображение тонконогой цапли.

– Полюбишься, как можно вежливо и красиво поставить на место зарвавшихся богачей. Мол, где мы, тен Лораны, с нашей родословной, а где вы?

– Что, так и написали?! – В голосе матери послышалось искреннее возмущение, а затем раздался шелест бумаги, будто она забрала письмо.

– Еще чего! Говорю же – красиво. И слова такие: польщены, оказана честь, сожалеем.

– Ты смотри, сам наследник подписал! Гляди, гляди, Эсташ тен Лоран.

– До дыр заглядел.

– Чем Маришенька ему не угодила? Ну ведь красавица, умница и невеста богатая.

– Для их рода за любой невестой кроме приданого должен шлейф знаменитых предков тянуться, а чем мы знамениты? Потомственные рудокопы?

– И зачем ты вообще ему написал? Хоть портрет дочери отправил?

– Отправил. Он его назад прислал, не забыв выразить безмерное восхищение. А написал ему, – отец запнулся и тяжело вздохнул, – потому как сообщили мне проверенные люди, что тен Лораны наследнику ищут богатую невесту.

– Значит, нашли.

– Не нашли, всем отказ пришел.

– Как всем? Откуда известно?

– За деньги любую информацию узнать можно. Ни одна Эсташа не устроила, идеальную ищет.

– Ну и пусть себе ищет. У нас дочка на вес золота даже без приданого. От женихов отбиваться не успеваем. Уже отправили на край света, в гимназию эту, подальше от соискателей.

– Да, чтоб ума набралась. Лучше этой школы я в нашей стране и не знаю.

– Вот. Еще образование получит – и никто с ней не сравнится. Дались нам гордецы такие, даром что род известный.

– Не в известности дело, мать. Не вечны мы с тобой. Здоровье под старость лет не то. Дети поздние, столько лет ждали. А все работа в рудниках этих. Но только Роб наш и сам о себе позаботиться сможет, смысленный малый, не пропадет, да и любит себя наперед всех.

– Ну что ты говоришь?

– А ты любимца не выгораживай. Коли надо, он выбор в свою пользу сделает, а дочка другая. Не за себя наперед пойдет, за тех, кого любит. Я ж до сих пор тот случай забыть не могу. Помнишь? Как рудники выработали и забросили, а наши трудяги местные без работы остались, и я к богачу тому наниматься пошел.

– Как не помнить? Едва с голоду не померли, натерпелись в ту пору.

– Он заявил, что в округе всем тяжело приходится. Предложил у него рудники эти пустые выкупить. Мол, ему налоги за землю платить, а с нас, бедняков, никто не спросит, и тогда он взамен найдет работу, да еще и напарникам моим бывшим поможет.

– Что со мной тогда случилось! Дома и крошки хлеба нет, а ты последнее за рудники отдал.

– Отдал ведь, потому как поверил. Пошел, точно последний дурак, к нему об уговоре напомнить, а он в лицо рассмеялся. Поищи, говорит, чего в новых владениях своих, может, золото отыщешь. Еще и добавил потом, что работников у него хватает, а вот служанка младшая приболела. Пусть, мол, дочка твоя вместо нее работать придет.

– Ты ведь не пустил ее тогда, хоть она порывалась.

– Слухами, мать, земля полнится. Служанок он совсем молоденьких набирал, а они болели да мерли точно мухи. Чтобы я свое дитя на такое обрек. А она ведь, помнишь, сама пошла.

Снова в гостиной воцарилось наполненное тревогой молчание, будто родители перенесли в то далекое прошлое, когда, желая спасти семью от голодной смерти, их дочка устремилась в дом к местному богачу. А я поежилась и обняла себя руками, вспоминая сальную улыбочку, ощупывающий толком не оформившееся тело взгляд, тяжелые руки на плечах и кошмарный слюнявый поцелуй, когда язык противного старика проник в рот.

– Думала, нас убережет, – вырвал из мерзких воспоминаний голос отца. – Я тогда вовремя подоспел, кулак ему на башку опустил со всей силы, показалось, что на месте помрет, а он выкарабкался, падаль такая.

– Кабы просто выкарабкался, ведь к правосудию обратился. Обвинил тебя в нападении, компенсацию затребовал. К нам когда служители с бумагой заявились, сумму долга за урон показали, думала, удар меня хватит. Ведь до конца дней по такому долгу не рассчитаться.

– Есть справедливость в мире, Лориона. Я лицо подлеца этого вовек не забуду, когда пошла слава о новом открытом минерале, а у нас в рудниках залежи его, ну хоть с земли лопа-

той соскребай. Он кинулся к законникам, а бумаги у меня как нужно оформлены, сам ведь постарался в свое время. Еще и при свидетелях продажу заверяли.

Отец весело расхохотался, а мама вторила ему тихим смехом.

– А теперь при наших деньгах все для детей сделать можем, но хотел я для дочки мужа особенного. А тен Лораны необычный род, Лора, необычный. – И отец с благоговением произнес: – Защитники.

Когда вдоволь наговорившись и обсудив все новости, родители удалились в свою комнату, я тихонько зашла в гостиную и поворошила кочергой еще тлевшие угли. Из-под золы показался белый кончик письма, и я осторожно вытащила его щипцами, отряхнула и сдула черную пыль.

В гимназии нам рассказывали о зачарованной бумаге, не рвущейся, не подверженной огню, воде и прочему разрушению. В пламени, например, она сперва скукоживалась и чернела, а после быстро возвращала первоначальный вид.

Чары наводились на бумагу специально, чтобы важное послание достигло адресата в целости и сохранности, и держались еще несколько часов после прочтения. Я успела извлечь письмо как раз вовремя, чтобы огонь не повредил красивых ровных строчек. Зажав его в кулаке, поспешила вернуться в комнату, где, устроившись на кровати, принялась рассматривать практически идеальный каллиграфический почерк, пытаюсь угадать за ним человека.

Несмотря на то что в гимназии нас обучали искусству красивого письма, а попутно объясняли, как определить основные черты характера по почерку, разглядеть автора послания за ровными буквами оказалось непросто.

Симметрия, выдержанный размер, одинаковый наклон букв говорили лишь о торжестве каллиграфической эстетики, и у меня сомнений не оставалось, что письмо было составлено подобным образом нарочно. Вся эта художественная надуманность свидетельствовала скорее о четком разграничении, проводимом между автором и адресатом. Ведь, например, в дружеской переписке не следишь за выводимыми на бумаге буквами, а стремишься поскорее рассказать близкому человеку последние новости. Это же письмо было красивым, но холодным, церемонным и официальным. А внизу четко обозначился оттиск кольца с родовой эмблемой. Погладила его пальцем, ощущая вдавленные в бумагу линии. По виду рисунок напомнил мне крылья большой птицы, упрощенные и стилизованные, как сказала бы донна Юджина, преподавательница символики и схематичного черчения.

Я вновь взгляделась в уверенные буквы красивой формы и средней величины, отмечая ровные строчки и чуть более сильный нажим. В человеке, составившем столь идеальный отказ, можно было точно отметить твердость характера, невозмутимость и спокойствие. Однако, судя по манере письма, он мог находить компромиссы и был способен приспособиться к ситуации, вот только отличался еще и любовью к контролю, строгой последовательностью и даже непоколебимостью. Все это вместе играло точно не в мою пользу, а Эсташ тен Лоран, прежде чем прислать отказ, явно тщательно обдумал собственное решение и не был склонен его изменить.

Сделав подобный вывод и уверившись в бесплодности прежних надежд, я отважилась прочитать и сами изящные строчки, буквально глотая короткие ясные фразы и почти не замечая вежливых формулировок.

«Уважаемый... Нашему роду и мне оказана большая честь... Отдельная благодарность от меня за вложенный в письмо портрет вашей прелестной дочери...»

Здесь я притормозила на минутку, концентрируя внимание на последующих предложениях.

«Не могу не отметить высокого мастерства исполнения – миниатюра дышит жизнью и, полагаю, очень точно передает истинный облик очаровательного оригинала. Я не посмел оставить это произведение художественного искусства, поскольку вы, несомненно, пожелаете

сохранить его у себя. Потому отсылаю портрет с ответным письмом, снабдив конверт защитными чарами».

«Прелестная и очаровательная»... Комплименты, а точнее, дань этикету, даже немного польстили принявшему суровый удар самолюбию и придали сил дочитать главные и самые болезненные строчки:

«Вынуждены отклонить ваше поистине великодушное предложение. К огромному сожалению всего рода и моему лично, присутствуют определенные обстоятельства, вынуждающие повременить с женитьбой, а подавать надежду юным и привлекательным девушкам означает лишить их шанса более удачно устроить свою судьбу. Остаюсь искренне Ваш Э. тен Лоран».

Я дочитала, вздохнула, а потом скомкала лист, и рассыпавшиеся чары позволили письму скукожиться в бумажный шарик, который я и запустила в противоположную стену. Великодушное предложение! Насмешка, не иначе! Завуалированный намек на явную попытку купить дочери мужа.

Бросившись к изящному письменному столу, выдвигая ящик за ящиком и выбрасывая на пол все вырезки из журналов и газетных статей, я и их вознамерилась подвергнуть участи письма. Напрасно собирала, напрасно пыталась хоть что-то узнать о нем. Гордец! Мама верно сказала.

И только схватившись за толстую книгу в дорогом кожаном переплете, я одумалась и бережно прижала свою ценность к груди. Редкая копия, сделанная с помощью уникального артефакта втайне от всех, точно не заслуживала быть разорванной на мелкие клочки. Книга о гимназии Царима, о самом здании и его прошлом. Один экземпляр хранился в библиотеке школы, а другой был только у меня и лишь потому, что об этой тайной и явно наказуемой уловке никто не узнал.

Одних влечет богатство и роскошь, другие любят шокировать и впечатлять окружающих, некоторые предпочитают поражать эрудицией, а я тяготела ко всякой древности, старине, пропитанной духом веков и овеванной славой. Оттого так сильно полюбила новый дом, построенный три века тому назад, хотя в прежнем ветхом жилище прожила целых двенадцать лет. Когда появились деньги, а с ними и возможности, я посетила все удивительные и знаменитые места, где прошедшие века тесно переплелись с магическим наследием. Однако самой привлекательной и манящей для меня оставалась закрытая гимназия Царима, построенная далеко на границе.

Это место было особенным, с совершенно невероятной историей, а под школу его отдали лишь три века назад. Я загорелась мыслью непременно поступить в гимназию, а папа и не подумал спорить, искренне веря, что его дочь достойна лучшего. После поступления я узнала об основателях – древнем роде тен Лоран.

Защитники! Одно слово пробуждало в людях трепет, а в моих мыслях Лораны совершенно невероятным образом стали частью духовного облика любимой школы. Я видела символику их дома повсюду, знала, какой вклад и кто именно внес в развитие гимназии. Более того, собирала всевозможные сведения: из газет, журналов, книг. Когда же поняла, что могу стать частью этого рода... Ох!

Меня не слишком волновало, каким окажется будущий муж, потому что с детства в голову прочно въелось убеждение, присущее большинству людей, о защитниках, как о созданиях без изъяна.

– Глупо, – вздохнула я, возвращая книгу в прежний тайник.

Глава 2

Новый преподаватель

Три месяца спустя

Занятие закончилось, но ученицы не спешили покидать классную комнату и выбегать в обширный холл женского крыла, чтобы немного размяться, а о чем-то приглушенно переговаривались.

– И почему ты не спрашиваешь, какую новость все обсуждают?

– Что? – Я отвлеклась от сложной схемы, похожей на кружевное плетение, и сосредоточила взгляд на подруге.

– У нас новый преподаватель, – вполголоса сообщила Селеста, – все уже в курсе.

– Ах, это. Слухи давно ходили. – Я собиралась вернуться к изучению схемы, когда подруга толкнула локтем в бок.

– Давно-то давно, но теперь известно имя.

– Имя? – Я нахмурилась, вынужденная вновь оторваться от сосредоточенного разглядывания тонких переплетений и без особого интереса ожидая подробностей.

Хотя узнать, кого пришлют для преподавания магической защиты, было, с одной стороны, любопытно, но на перемене я надеялась разобраться в непонятых моментах схематического плетения, а после занятий отправиться с уже подготовленными вопросами к преподавательнице.

Не желая, чтобы другие девушки услышали, Селеста склонилась к моему уху и выдала:

– Держись за стул, иначе упадешь. Это Эсташ тен Лоран.

Что?!

Я непроизвольно сжала пальцы, хватаясь пусть не за стул, но за столешницу.

– Это шок, правда? – спросила Селеста, пока я пыталась совладать с собой.

Не верить подруге не было причин. Недаром она приходилась родней нашему директору. Селеста узнавала самые горячие новости прежде остальных и всегда бежала сперва ко мне, чтобы ими поделиться.

– Д-да. – Я запнулась, отвечая, и положила руку на грудь, из которой норовило выскочить сердце.

Девушка так стремилась поразить меня неожиданным известием, что всю гамму эмоций, вызванных упоминанием одного из самых известных имен страны, отнесла лишь на счет моей растерянности.

– Ты поняла теперь? – продолжала она делиться главной сенсацией. – У нас будет преподавать сам тен Лоран!

Фамилия знатного рода прозвучала с положенным придыханием.

А мне труднее было не понять, а скорее признать тот факт, что отвергший меня мужчина вскоре станет моим же учителем.

– Они... – Я сглотнула, стараясь выровнять голос. И пусть изъяснялась шепотом, однако слишком боялась, что Селеста распознает панические нотки, способные навести ее на какие-то подозрения. – Они аристократы, пусть и обедневшие. Что заставило его пойти в преподаватели?

– Я слышала, дела у рода совсем плохи, особенно после того, как Эсташ отверг кандидатуры предложенных невест.

При этих словах сердце застучало как бешеное. Неужели она знает? Какой позор! Но последующие слова подруги показали, что моя тайна до сих пор оставалась только моей.

– Богатейшие невесты Кенигхэма готовы все отдать, чтобы выйти за главу этого рода, а он тянет с выбором. Денег как не было, так и нет, вот Эсташ и выбрал работу учителя.

Подруга вдруг отвернулась, посмотрев в сторону отворившейся двери, а в пространстве, еще минуту назад наполненном девичьим гомоном, воцарилась необычайная тишина. Мы, как положено, подскочили со своих мест и присели в поклоне, приветствуя директора, но только у одной меня подкосились колени, когда вслед за ним вместо старенького, шаркающего ногами ариса¹ в класс вошел незнакомый мужчина.

«Это он!» – отстучало сердце, и кровь прилила к голове.

Несложно было догадаться, что статный и высокий молодой человек в учительской форме и есть тот самый тен Лоран.

Мне прежде не доводилось видеть потенциального жениха в лицо или же на портрете. Просто так достать изображение хоть кого-то из членов знаменитых родов было невозможно. Реалистичные образы, создаваемые с помощью современных художественных чар, позволяли практикующим магическую порчу навести ее по портрету, а ставить защиту от каждого желающего досадить потомку прославленной фамилии обошлось бы недешево.

Родители располагали лишь общими сведениями: Эсташ молод, одарен родовой магией и воспитан в соответствии с аристократическими традициями. И этого оказалось достаточно. Браки в стране в большинстве своем так и заключались – по договоренности. Многие частенько прибегали к услугам свах, обладающих соответствующими магическими навыками. Ну а в случае с родом тен Лоран и вопроса такого не стояло.

«Безусловно, он», – вторил интуиции разум. Узкий шаг, точно ноги ступают по одной прямой линии, твердая, но не тяжелая поступь уверенного в себе человека, легкая улыбка, способная расположить собеседника с первого взгляда, плавные красивые движения и лицо...

Я опустила взгляд. Не рассмотрела. Чувства душили, клокотали внутри, и перед глазами встала мутная пелена. Следовало взять себя в руки, отвлечься, например, на спокойный голос нашего директора, но неприятные мысли насакивали друг на друга, теснились, точно головки в крошечной банке, ехидно шептали: «А не высоко ли вы с родителями замахнулись? Ты недостаточно хороша для этого мужчины. Ничем выдающимся, кроме денег, не обладаешь». А злость отвечала: «Неужели у древнего рода больше прав на гордость, чем у простых, но достойных людей?»

Я слишком шумно втянула носом воздух, но этот звук потонул в пронесшемся по рядам учениц приглушенном вздохе. Им уже сообщили имя, и это оказалось такой неожиданностью, что девушки не смогли сдержаться.

Счастливицы, кому выпала удача поступить в высшую гимназию светлейшего Царима, были слишком хорошо вышколены суровой дисциплиной элитного заведения, чтобы выдать свое удивление громкими возгласами, однако и сохранить бесстрастие и спокойствие ни у кого не вышло. Все так и усталились в одну точку, с жадностью разглядывая защитника.

Кто их хоть раз в жизни видел? Весьма узкий круг избранных? Закрытые клубы, закрытые дворцы, закрытая жизнь. А здесь целый преподаватель, наш собственный, лишь немного отличный от привычных мужчин, чуточку другой, самую малость не совсем человек.

Я ведь и сама попала под очарование этого образа. Не сейчас, а раньше, когда мечтала о свадьбе. Это как древний идол, вдруг сошедший с гравюр. Настоящая знаменитость, чье имя упоминалось лишь в светских колонках газет и респектабельных журналов. Как было не загореться идеей о браке в ожидании новых перспектив и возможностей? Да я уже представляла у собственных детей могущественную магию рода тен Лоран, пока меня не вернули обратно на землю.

Правда, я немного успокоилась за эти три месяца, а сейчас весь коктейль обиды, гнева, несправедливости от рухнувших надежд, растерянности и унижительного чувства собственного ничтожества вспыхнул с новой силой. Упрямо тряхнув переполненной мыслями головой,

¹ Арис – уважительное обращение к учителю.

решилась рассмотреть несостоявшегося мужа и снова вздохнула, не шумно, а с затаенной горечью. Овальное лицо с высоким лбом и идеально ровным носом, миндалевидные глаза, казавшиеся темно-серыми, с густыми ресницами и изогнутыми дугами бровей, четко обрисованные скулы, красивые губы и узкий подбородок. Практически совершенный образец настоящего аристократа, который можно изобразить, например, в учебнике в качестве наглядного пособия.

И ведь немало парней, обучающихся в мужском крыле, пытались пригласить меня на свидание, а некоторые девчонки старательно прятали зависть. Вот бы они обрадовались, узнав о моем унижении! Начались бы смешки и сплетни за спиной, подначки, подколки и прочие обидные вещи. Этого, признаться, я до сих пор боялась.

– Добрый день. – Спокойный глубокий голос вклинился во внутренний монолог. Приятный, ласкающий слух. Есть такие голоса, что плавают волю, даже мурашки по коже, и хочется прислушиваться и прислушиваться, закрыть глаза, отдаться звучанию, как музыке, не разбирая смысла слов. Благо проскочившая мысль, как бы восхитился подобным баритоном наш утонченный учитель стихосложения, вовремя вернула меня обратно в класс. Я просто наяву услышала его писклявый голосок и восторженные, витиеватые эпитеты.

Ответ гимназисток прозвучал неслаженно и в явном диссонансе, точно не я одна оказалась сражена обычным приветствием.

– Хотелось бы сперва познакомиться с вами. Я буду называть ваши имена, а после прошу садиться.

Уверенный бесстрастный тон не располагал к спорам или возражениям, потому никто и не подумал забросать нового учителя вопросами.

– Аделаида де Ланто!

Гимназистка позади меня поклонилась и села.

– Роберта Диарго!

Все больше девушек садилось, все меньше оставалось стоять. Лишь бы не оказаться последней, от перенесенного потрясения меня еще ощутимо потряхивало.

– Мариона Эста.

Это я!

Как хорошо, что не воскликнула вслух и сообразила поклониться, но плохо, что замешкалась. Вместо положенного поклона и спокойного возвращения на скамью осталась стоять под изучающим взглядом мужских глаз.

Даже удивительно, как все в этом человеке сочеталось непостижимо совершенным образом. И если из урока в урок нам столько твердили о хороших манерах, об умении держаться в обществе, то теперь перед глазами предстал наглядный образец. Аристократические принципы в действии: чувство собственного достоинства, внутреннее спокойствие и уверенность, безупречное самообладание, словно ничто и никогда не могло вывести этого человека из равновесия. А еще добавить к этому сильную гибкую фигуру, отлично обрисованную пусть и форменным, однако безупречно сидящим камзолом преподавателя и ровными, без единой морщинки брюками. Даже рубашка и стоячий воротничок выглядели на тон светлее белой казенной рубашки того же директора. Как нам массу раз повторяли на уроках – безупречный вкус, ухоженность и стиль можно проявить, не тратя баснословных денег на дорогие наряды и личных портных.

А еще Эсташ тен Лоран обладал этим особым даром нравиться окружающим. Не выглядеть чрезмерно манерно или вычурно. Даже проговаривая обычные слова, демонстрировать уважение к собеседнику и казаться довольно сдержанным, чтобы и в жестах, и в выражении глаз не допустить излишнего бахвальства или, напротив, ненужной церемонности, но при этом сохранить между вами незримую черту.

Интересно, а помнит тен Лоран имена несостоявшихся невест?

– Можете садиться, – произнес Эташ к моему стыду. Я совершенно забылась, продолжая стоять, а преподаватель не мог продолжить знакомство с другими ученицами.

– Благодарю. – Колени мелко подрагивали и, стараясь сесть невозмутимо и с достоинством, я вынуждена была опереться рукой о стол.

Какое пренебрежение идеальными манерами, согласно которым девушка должна быть подобна легкокрылой бабочке. Даже если она натерла ноги в узких туфлях, то не позволит никому заметить – будет улыбаться, и уж тем более не станет тяжело опираться о ближайшую опору.

Ох, Маришка, так опростоволоситься!

Погрузившись в собственные мысли, сосредоточившись на изучении движений, жестов и мимики человека, который, как я полагала, жестоко оскорбил и меня, и родных, умудрилась пропустить не только уход директора, но и сам урок. Предполагалась вводная лекция, поскольку прежде магическая защита преподавалась с исторической и теоретической точки зрения, а сейчас приближалась пора практики. К ней переходили именно на четвертом курсе, но исключительно в рамках самообороны, большего воспитанным девицам знать не полагалось. У мужчин курс велся несколько иначе.

Новый преподаватель должен был рассказать о принципах магической самозащиты, своих требованиях и структуре занятий, а я все пропустила, потому что размышляла о несправедливости судьбы и сетовала на оказавшиеся правдой слухи об идеальности защитников. Что стоило Эташу оказаться страшным или противным, вызывающим отторжение, пресекающим на корню уже позабытые сожаления о том, что не довелось носить фамилию тен Лоран? Хотя бы из уважения к отвергнутым девушкам. И как аристократическая гордость позволила ему опуститься до преподавания? Нельзя, конечно, сравнивать воспитание будущего поколения с торговлей или сферой обслуживания, но почему судьба привела его в мою гимназию? Шел бы преподавать в иное место, и не важно, что эта школа – детище их рода.

Селеста толкнула под локоть и прошипела:

– Ты что сидишь, уже колокольчик прозвонил!

Я мгновенно подскочила, опять же слишком поспешно и суетливо, и принялась быстро собирать письменные принадлежности. Класс стремительно пустел, и я торопилась, боясь остаться последней и оказаться почти наедине с молча наблюдавшим за нами тен Лораном. Но лучше бы так не спешила и пошла как следует, спокойно и степенно. Когда больше всего стремишься избежать неловкой ситуации, частенько в нее попадаешь. Меня угораздило споткнуться. Зацепилась каблуком за металлическую полосу, приклеенную к ровному дощатому полу и отошедшую с края как раз рядом со столом преподавателя. Сумка слетела с плеча, содержимое оказалось на полу, а я упала на колени и не стукнулась носом, потому что успела опереться ладонями в пол.

– Ой, Мариша! – вскрикнула Селеста. – Ты в порядке?

– Да, да, в полном, – отозвалась, быстро поднявшись с помощью подруги. Хорошо, что свидетелями еще одной неловкости было совсем мало гимназисток. Все стремились покинуть класс, чтобы всласть поболтать о новом учителе.

Я подхватила Сешу под руку и потащила к двери, а оказавшись рядом с выходом, услышала голос преподавателя:

– Тэа² Эста, ваша сумка.

Густо покраснев, прерывисто вздохнула. Селеста тоже ойкнула, приметив мой последний промах, но молча выскользнула в коридор, а я повернулась и заставила себя дойти до стола. Еще большую неловкость ощутила, увидев, как Эташ присел на корточки, чтобы собрать учебные принадлежности. Словно ему, представителю великого рода, пристало складывать в

² Тэа – ученица, гимназистка. Вежливое обращение к девушке, обучающейся в высшем учебном заведении.

женскую сумку девичьи мелочи, среди которых, кроме ручек, карандашей и записных книжек, оказалась парочка заколок, пудреница, замысловатый гребень и засушенный цветок (дар поэтического поклонника, используемый в качестве закладки). Впрочем, тен Лоран не касался моих вещей, он одним мановением руки отправил все предметы на место.

– Возьмите, Мариона, – с располагающей улыбкой сказал Эсташ, протянув сумку. Это он умудрился запомнить меня среди тридцати учениц? Или просто с той же легкостью фиксировал облик конкретного человека и ассоциировал с его именем, с какой собирал не менее десятка предметов одновременно? Так просто взял и слевитировал вещи разной массы и разного размера, не прибегая к ухищрениям вроде сложных плетений и замысловатых пассов руками.

Я кивнула, принимая сумку. Вдруг он все же помнит меня как потенциальную невесту? И их всех тоже помнит, даже назовет без запинки? Прямо всю сотню назовет, или две, или три.

Глаза мужчины смотрели серьезно, а улыбка таилась в уголках губ, и выражение лица было таким, что не могло бы вызвать неловкости у собеседника. Эсташ не принялся излишне тревожиться или иным образом напоминать о неудобной ситуации, намекать на то, что я явно склонна витать в облаках и не смотреть себе под ноги. Он просто сделал вид, что ничего не произошло. Я была за это благодарна и... злилась на него еще больше. Нельзя быть слишком идеальным! Это заставляет других ощущать себя неполноценными, очень нервирует и не дает расслабиться.

– Большое спасибо. – Благодарность прозвучала как обвинение, явившись отголоском моих мыслей, и я поспешила исправиться, пробормотав на порядок вежливее: – До свидания, арис Лоран.

Потихоньку пятясь в сторону выхода, снова зацепилась за злополучную полосу. От очередного унижительного падения уберег тот, от кого старалась поскорее сбежать.

– Будьте осторожны, тэа, – вымолвил он, опуская вскинутые руки и рассеивая магию, которая помогла мне не плюхнуться позорно на мягкую точку.

– Конечно! Благодарю.

Я наконец-то вырвалась из класса.

Тен Лоран проводил задумчивым взглядом миловидную темноволосую девушку, торопливо покинувшую классную комнату. Мягкие черты лица, большие зелено-карие глаза, пышные волосы и безукоризненный внешний вид. Отшлифованная драгоценность своих родителей, которые стремились дать дочери все лучшее, включая и аристократическое образование в старейшей элитной гимназии.

Тот самый род Эста – владельцы рудников, разбогатевшие после открытия свойств редкого металла. В одночасье эти люди стали одними из богатейших в стране.

Эсташ слегка качнул головой в ответ на собственные мысли, о которых невозможно было догадаться ни одному постороннему наблюдателю. Спрятанные глубоко внутри и надежно укрытые за внешней броней отточенных безукоризненных манер, они не выдали себя даже мимолетным проявлением в мимике спокойного лица.

Глава 3

Занятия

– «Без осанки конь – корова», тэа. Запомните золотые слова.

Все тридцать юных девиц застыли в полуприседе, согнув переднее колено. Они вытянули руки вверх, вторую ногу отведя назад, и старательно тянули носочек.

– Рук не опускаем! – послышался легкий шлепок, и кто-то позади меня тоненько пискнул.

– Ой! – Мне прилетело хлесткой указкой с плоской резиновой плашкой на конце прямо по пояснице.

– Тэа Эста, вульгарно так отклячивать задние формы. Уберите прогиб!

– Это естественный прогиб, дона Солоне, – пропыхтела я в ответ, – мне некуда его убрать.

– Втяните! – и не подумала сжалиться наша строгая преподавательница предмета, который так и назывался «выправка и осанка».

Получив еще один ощутимый удар пониже поясницы, я попыталась втянуть разом все формы, которыми наделила природа, и услышала тихий стон Селесты: «Я сейчас упаду».

– Стыдно, тэа! – попеняла Солонка (которую мы называли так исключительно шепотом, предварительно оглядевшись по сторонам). – Вы пришли в гимназию светлейшего Царима, дабы получить истинно аристократическое воспитание, но и не думаете стараться! Правильное воспитание – ваше будущее. В методиках этой великой школы собрано все лучшее, а потому запоминайте, перенимайте, не подражайте, но учитесь чувствовать. Любое подражание выглядит фальшиво, а вам нужно проникнуться. То, что не смогли дать родители с детства, дадим мы, преподаватели. Быстро поменяли позиции!

Пока мы, положив ладони на затылок и разведя локти в стороны, отклонились влево и усиленно тянули носок правой ноги, худая, точно щепка, но обладавшая поистине безупречной выправкой Солоне продолжала наставлять:

– Осанка – это гармония души, тела и разума. А потому не пыхтим и не сопим, тэа. Пошли! Ровно, легко и с улыбкой. Ставьте ногу вначале на носок, не втягивайте голову в плечи, не переваливайтесь, словно утки, иначе все как одна проходите до вечера в корсетах.

Такая кошмарная угроза заставила нас вытянуться по струнке. Никому не хотелось оказаться закованной в невидимый, но жутко неудобный магический панцирь, в котором не только дышалось с трудом, но и едва ли можно было нормально поесть. А уж оказаться виновницей заключения в корсеты всего класса было худшей карой, ведь пострадавшие потом стремились отомстить. Единственный плюс – осанку такие суровые методы выправляли идеально и абсолютно у всех. А потому, усиленно сведя лопатки и сцепив за спиной руки, гимназистки бодро и с улыбками замаршировали по комнате, точно заправские гвардейцы.

– А теперь присели, плечи расправили, ноги не скрещиваем.

Уместиться на низкой и узкой скамеечке боком друг к другу и сохранять ровную спину, вытянув при этом ноги вперед, тоже было задачей не из легких, поэтому вторая партия девочек обычно вставала на колени напротив и держала сидящих за щиколотки, чтобы те не завалились назад.

– Если не дотяну до окончания гимназии, – прошептала сидящая рядом Селеста, – то только благодаря этому уроку.

– Меняемся местами.

Теперь мы встали на колени, при этом даже в такой позе требовалось не опускать голову и не сгибать спину, иначе указка преподавательницы в тот же миг без особой жалости проходила по поясницам.

– На перекладину!

Пыхтя и обливаясь потом, мы ухватились руками за деревянные поручни и поднялись на цыпочки, почти повиснув и напоминая ровные ряды спелых груш на ветке.

– На доску!

Стоять одним коленом на ровной, но узкой доске, вытянув в стороны руки, и не свалиться с нее тоже было великим достижением.

– Легко сошли, улыбнулись, поклонились и закончили.

Бурный и единодушный вздох облегчения сопровождал окончанию занятия.

Селеста, буквально умиравшая на уроке осанки, поторапливала меня все время, когда мы освежались и меняли тренировочные костюмы.

– Куда ты торопишься? До следующего занятия еще полчаса.

– Если мы поспешим, то дойдем до класса по главному коридору.

– Но это же дольше всего, практически в обход!

– Зато там пройдет Эсташ тен Лоран, когда у него закончатся занятия со вторым курсом. Видишь, раздевалка почти пуста. Все девчонки умчались именно туда.

– Ну и пускай! – Я фыркнула и затащила потуже пояс школьного платья. – Зачем нарочно попадаться ему на пути, если завтра первое практическое занятие?

– Чтобы заметил. С невестой он до сих пор не определился, зачем упускать такой шанс?

– Я думаю, в толпе всех «спешащих» на следующее занятие гимназисток мы с тобой просто потеряемся. Идем обычным переходом, который короче.

– Знаешь, Мариона, так нечестно.

– Что нечестно?

– Ты во время урока намеренно привлекала его внимание, упала ему буквально под ноги, а теперь отказываешься идти со мной.

– Я же случайно! – От подобной формулировки я даже растерялась. – Каблуком зацепилась.

– А девчонки считают, что решила сыграть на инстинктах защитника. Кстати, я думаю, многие постараются перенять твою манеру.

– Мою манеру?

– А чем не идея – попадать в трудные ситуации, чтобы Эсташ спасал?

Я ужаснулась, представив, сколько попавших в беду девиц придется выручать защитнику, а потом рассудила, что он, как умный человек, мог предположить нечто подобное, устраиваясь в гимназию, а значит, и переживать за него не стоит.

– Идем же, идем! – Заметив, что я закончила переодеваться, Селеста ухватила за руку и потянула на выход. Я, конечно, ничего не теряла, идя на поводу у подруги, поскольку искренне полагала, что тен Лоран не разглядит обеих в толпе. Коридоры гимназии не отличались шириной, и преподаватель явно не станет рассматривать протискивающуюся мимо него вереницу девчонок. Зато подруга не будет обижаться, а потом долго припоминать этот случай.

Закинув на плечо сумку, я последовала за Селестой по узкой винтовой лестнице вниз, к главному коридору, когда на выходе столкнулись с доной Лаурой, преподавательницей магических плетений.

Мы обе присели в поклоне, но если подруга спешила поскорее продолжить путь, то я надумала задержаться, чтобы задать доне интересующий меня вопрос.

– Вы что-то хотели, тэа? – вежливо поинтересовалась наша молодая и самая очаровательная учительница, улыбнувшись нетерпеливо переминавшейся рядом Селесте.

– Если позволите, дона, я бы желала выяснить один вопрос. – Подруга грустно вздохнула.

– Прошу.

– Какого класса плетение нужно создать, чтобы одним движением руки сдвинуть сразу несколько предметов и поместить их в одно место?

– Не сочтите за оскорбление, тэа, это магия не вашего уровня, здесь формируются совершенно иные связи.

– Могу ли я уточнить их природу?

Селеста показала мне знак из-за спины преподавательницы и, когда я легонько кивнула, поспешила дальше.

– Конечно, без примеров объяснить сложнее, эта тема больше подходит для консультативных часов, но если вы не планируете разбираться в сути, а удовлетворитесь общими объяснениями, я отвечу на вопрос.

Продолжая разговор, дона Лаура принялась подниматься по лестнице, видимо, направляясь в преподавательскую башню, а мне ничего не оставалось, как пойти вместе с ней.

– Ответьте мне, Мариона, как мы работаем с вещами, когда перемещаем, раскладываем на части или же собираем?

– Мы создаем плетения, дона Лаура.

– Верно. А как вы будете воздействовать, например, на одушевленный предмет, скажем, на человека?

– Задействую внутреннюю силу.

– Несомненно. А теперь представьте взаимодействие обоих методов. Вспомните основные принципы, которые я повторяю вам на каждом уроке вот уже более трех лет.

– Концентрация и внимание – это то, что требуется от нас при создании сложных плетений.

Вспоминать принципы мне не пришлось, они настолько крепко укоренились в сознании, что при плетении даже простейшего узора каждая из нас входила в состояние глубокой сосредоточенности.

Первый год мы начинали с обычного вязания, создавали с помощью тонких спиц ажурные салфетки и кружева, после все вспомогательные средства у нас отобрали и заставили связывать нити с помощью магии. Помню, как первое время от напряжения дрожали руки, сложно оказалось удерживать настоящие нити в миллиметре от кончиков пальцев.

А когда мы овладели этим навыком, преподавательница заставила тренировать скорость. Всего лишь минута давалась на то, чтобы создать настоящий, пусть и небольшой узор. С течением времени росла сложность рисунков, а затем из вспомогательных средств исчезли и нити. Их место заняли почти незримые магические волокна простейших заготовок, вроде картонных карточек и гладких шаров, входящих в обычные ученические комплекты. После того как мы научились ловить незримые, тоньше волоска паутинки, вместо стандартных заготовок, упрощающих процесс, получили на руки другие предметы.

Теперь главной задачей было ощутить ауру выданной вещи, уловить энергетические потоки вокруг нее, напоминая те самые нити, а затем четко представить, что мы хотим с этим предметом сделать. Если целью было переместить его на определенное расстояние, следовало быстро сплести магические волокна в определенный узор, представляющий собой отталкивающий символ. Все необходимые символы изучались нами на другом уроке – символике и схематическом черчении, а к третьему курсу уже рисовались с закрытыми глазами.

– То есть вы либо создаете плетения, что не вызывает расхода внутренней энергии, зато требует времени и большой концентрации на самом узоре, либо задействуете вашу силу. Использовать внутренний резерв для вещей будет настоящим расточительством, это вызовет сильное напряжение, может привести к перерасходу энергии, хотя и является более быстрым способом воздействия.

– Вы сказали о комбинации обоих воздействий, но прежде подобное даже не упоминалось, ни в классе, ни в учебниках.

– Правильно, Мариона. Подумайте только, до чего могли бы дойти ученики, стремясь поскорее справиться с заданием. Сочетать оба способа, связывать свою силу с энергетическими

нитьями вещей могут единицы из сотни магов, и им не требуются плетения. Способ древний, сейчас почти не применяется, поскольку это слишком деликатные материи, здесь должно присутствовать особое чутье. Объясняя принципы всем гимназистам, мы бы добились только того, что ученики, вообразив себя опытными и всесильными, могли перерасходовать собственный резерв. А зачем нам переполненный лазарет? А вдруг кто-то не остановится, даже ощутив слабость? Если ученик доведет себя до полного изнеможения, а потом не выживет? Вот, например, у вас, Мариона, сейчас загорелись глаза. Однако не рекомендую заниматься экспериментами. Я рассказала вам лишь потому, что считаю разумной девушкой. Другим ученикам об этом знать нежелательно. Принципы воздействия четко разделены не просто так. Мы договорились?

– Конечно, донна, благодарю вас. – Я склонилась в поклоне, а преподавательница кивнула и скрылась за дверью в башню, к которой мы незаметно дошли.

Теперь у меня совсем не оставалось времени, чтобы идти в главный коридор. Я бы попросту опоздала на начало занятий.

Подойдя к краю ровной площадки, я посмотрела на надежный каменный переход между башнями, располагавшийся уровнем ниже. Вся наша гимназия состояла из таких отдельно стоящих и устремленных в небо монолитов. Для перемещения чаще использовались именно каменные коридоры, напоминавшие удлинённые беседки. Однако имелись и другие пути – сократить дорогу можно было по веревочным мостикам.

Приблизившись к статуе застывшего у самого края золотого крылатого воина, я на миг замерла, оглядывая окрестности. Селеста не раз говорила, что школу на горе среди ущелий и лесов вряд ли можно назвать элитной. Однако статуса гимназии Царима эти ее сожаления никак не меняли. Зато с высоты, куда долетала не всякая птица, точно на ладони открывался просто изумительный вид.

С одной стороны блесло озеро, широкое, очень глубокое и тянущееся почти до горизонта. По слухам, оно осталось на месте древнего моря, бурного и смертельно опасного. Здесь всегда дули сильные ветра и бушевали шторма, палубы и мачты кораблей покрывались коркой льда. В его воды старались не заходить суда рыболовов и обычных мореплавателей, разве только самые отчаянные авантюристы иногда хотели испытать себя на прочность. В прелестном озере, выглядевшем столь романтично с высоты, тоже нельзя было купаться. Спокойная поверхность приходила в волнение, едва к воде приближалось любое живое существо. Я вычитала в старой книге, посвященной гимназии, что по воде существовал проход – узкая дорожка теплого течения, которая пересекала озеро, точно тайная тропка пересекает дремучий лес, но никто не рисковал отправиться вплавь на ее поиски.

Кстати, страшный дремучий лес здесь тоже имелся, и в нем гимназистам не рекомендовали гулять. Это был весьма протяженный отрезок абсолютно дикой природы. Стоило миновать небольшой зеленый луг и чуть углубиться в лес, как он оживал. Прогулка среди странной растительности была чревата различными повреждениями, самое безобидное – укусами шипастых кустарников или плевками ядовитых лиан. Моя изумительная книга упоминала о способе успокоить буйное царство, но без подробностей.

С третьей стороны простиралась равнина, выглядевшая на редкость безобидно. Она не пугала глубиной прозрачной синевы или темнотой зеленых просторов, а выглядела как ровная поверхность с низкорослой пожелтевшей травой. Ничего иного здесь произрастать и не могло, поскольку само место так и называлось долина Ураганов. Если вдруг у кого-то отказывал инстинкт самосохранения и возникало желание подойти ближе, он мог наблюдать возникновение черных вихрей, и не одного, а целого десятка, круживших по равнине, но не покидавших ее пределов.

Часы на центральной башне вдруг пробили три раза, и я мигом отвлеклась от зачарованного любования и с силой нажала на ладонь скульптуры. Послышался щелчок, после которого дорожка дощечек развернулась от одной башни к другой, а с двух сторон протянулись вере-

вочные перила. Как и большинство гимназистов, я предпочитала не пользоваться подвесными переходами из-за частых ветров, заставлявших веревочные мостики нещадно раскачиваться и надсадно скрипеть. Казалось, что они вот-вот рассыплются прямо под ногами. Некоторые старшекурсники любили пугать старинными байками, как из-за неисправности механизма переходы могли сложиться прямо под шагающим по ним человеком, а внизу пропасть.

Однако я задержалась и требовалось спешить, поскольку опоздания в гимназии карались сурово.

Ухватившись покрепче за перила, осторожно ступала по широким дощечкам, когда неожиданно сильный порыв ветра качнул мостик и вдруг донес до ушей чьи-то слова:

– Сколько в школе защитников?

Не узнать этого спокойного, чуть певучего голоса я не могла, поэтому тотчас же остановилась и стала оглядываться. По переходу, уровнем ниже, шел директор и тен Лоран. Мой мостик повис между верхними площадками башен, немного правее, однако, если бы оба подняли головы, могли бы с легкостью заметить меня. Все бы ничего, но директор не рекомендовал пользоваться веревочными мостами в одиночестве, особенно в ветреную погоду. А сейчас коварный ветер вдруг стал набирать скорость, словно только и ждал, когда я воспользуюсь шаткой конструкцией.

Веревочные перила заскрипели, дощечки под ногами заходили ходуном, я услышала: «Если считать вас...» – конец фразы потонул в завываниях усиливающегося ветра. Уцепившись за канаты посильнее, я всерьез задумалась, а не лучше ли поползти, поскольку с каждой секундой делалось все страшнее. Еще и директор с тен Лораном так не вовремя объявились и вот-вот могли заметить. Какая нелегкая принесла их сюда, когда тот же Эсташ должен был в данный момент протискиваться мимо целой толпы гимназисток, мечтая вырваться из главного коридора живым! Тут же осенила догадка, что наш защитник предвидел подобный вариант событий и как его будут отлавливать после занятий, а потому пошел в обход. Иначе он просто не мог оказаться в переходе, по которому шагал сейчас вместе с директором. Какое разочарование для целого класса девиц!

Неожиданно мост качнуло так сильно, что я негромко охнула, а вцепившиеся в перила пальцы совсем побелели от напряжения. Директор на мой тихий возглас никак не отреагировал, он его попросту не услышал, а вот Эсташ... Тен Лоран мгновенно напрягся, словно я во всю мощь легких призывала на помощь, вскинул голову и, конечно, тут же заметил.

По всем правилам, мне следовало поздороваться и поклониться, а вместо этого я упала на колени, так как качало просто жутко.

Глава гимназии, ощутивший резкую остановку собеседника, обернулся, проследил за взглядом защитника, увидел меня и закричал, перекрывая завывания ветра:

– Тэа, что вы там делаете?

Никогда не понимала привычки задавать очевидные вопросы. Ведь очень хорошо видно, что я здесь раскачиваюсь прямо над бездной.

– Иду на урок, директор! – крикнула в ответ, но даже не сделала попытки подняться с колен, пока ветер гнул и желал закрутить веревочные канаты. Взгляд, как назло, скользнул мимо деревянных дощечек, и я гулко сглотнула, обозрев бездну во всей ее скалистой красоте.

– Тэа Эста, это вы? Зачем вы забрались на мост? Я запрещал пользоваться веревочными переходами в такую погоду! Немедленно слезайте!

Куда, спрашивается, мне слезать?

– Я бы рада, но мост качается.

– Я сказал немедленно, тэа! Сию секунду. Поднимайтесь, держитесь крепко и бегом до ближайшего края!

Никогда громкие крики не заряжали меня храбростью, и сейчас чуда тоже не произошло.

Директор с досадой стиснул зубы, ругая про себя непослушных гимназисток последними словами и пытаясь придумать, как заставить девушку пересечь мост, поскольку оставаться на нем дольше при подобных сильных порывах становилось все опаснее.

– Я сказал живо, тэа Эста!

– Уже ползу, директор!

– Вставайте на ноги, сколько вы так будете ползти?

– Она боится, – донеслись негромкие слова защитника.

– Так надо было додуматься забраться на мост! И что делать с этими детьми?

Вместо ответа тен Лоран вдруг протянул к девушке руки, точно он предлагал ей прыгнуть, а сам собирался ловить. Глава гимназии даже успел удивиться, прикинув абсолютную невозможность допрыгнуть до каменного перехода, но веревочный мост вдруг перестало качать.

Директор открыл рот... и закрыл. На долю мгновения ощутил дрожь, как всегда бывало, стоило лишь почувствовать рядом чуждую силу, непонятную, мощную, мало кому доступную. Таковую, которая была способна остановить ветер. Захотелось даже призвать к порядку своего официального подчиненного, тратившего столько энергии на помощь ученице. Раз совершила глупый поступок, сама бы выбиралась, а впредь запомнила науку. Но пришлось промолчать. Редко кто решался спорить с защитниками.

Стоило мосту перестать раскачиваться, как девушка быстро взглянула вниз, а после, не теряя времени, спешно поднялась на ноги и меньше чем за минуту добралась до другого края. Благо сообразительность не отказала ей в нужный момент и не пришлось вновь кричать и прибегать к словесным угрозам.

– Благодарю вас, арис, – присела она в поклоне, остановившись на краю. – Спасибо, директор.

И о хороших манерах не забыла, вы смотрите!

– После занятий ко мне в кабинет!

Девушка снова поклонилась, поспешно активировала механизм, сложивший мост, и побежала на урок.

– Эх, – вздохнул глава школы и взглянул на преподавателя. Эсташ уронил руки, и ветер завыл еще яростнее. – Ну зачем вы, арис Лоран? Как еще учить этих детей, если не на их же ошибках?

– Я не против вашей методики, директор, – склонил голову защитник, и голос его звучал глуше, чем обычно, – но я не могу выносить чужой страх.

Глава 4

Неправильные желания

– В итоге ты одна вовремя пришла, – почти осудила меня Селеста, когда мы встретились вечером в комнате.

Я прибежала в класс за минуту до звонка, обнаружила в нем только дону Юджину, преподавательницу символики и схематического черчения. Как следствие, наказали всех девчонок, кроме меня. Впрочем, это Селеста еще не знала о каре, придуманной для меня директором, но пока я не решалась ей рассказать о случившемся на мосту и о том, почему в эти выходные лишена встречи с родителями.

– Вот скажи, что понадобилось тебе так срочно узнавать у нашей плетуны? Новый узор не получается? Что?

– Я узнавала о даре рода тен Лоран.

– А? – Интерес подруги мгновенно вырос, а раздражительность снизилась на несколько градусов.

– В классе я наблюдала, как движением руки он поместил предметы обратно в сумку, а когда так удачно встретила дону Лауру, конечно же захотела об этом спросить.

– О! – Селеста стиснула руки, в глазах ее загорелся настоящий восторг. – Даже без плетений? Просто махнул – и все переместил? Какой же он сильный! Я слышала, их родовая магия – это нечто, но подумать только!

– Пф. – Ироничное фырканье долетело со стороны нашей третьей соседки, Доминики. – Было бы чему удивляться. Для защитников это сущий пустяк.

– Ой, ой, – передразнила Селеста, – а кто тут, самый умный, снова от любимых книжек отвлекся? Ты больше всех о защитниках знаешь!

Я толкнула подругу локтем, чтобы не задирала нашу соседку. Доминика была хорошей девушкой, хоть и отличалась патологической любовью к книгам, а ее манера всех поучать порой раздражала.

– Еще бы, – и не подумала смутиться Доминика, – больше вашего.

– Откуда? – спросила я, пока Селеста вновь не принялась плевать ядом. – Книг о них нет, в обществе, кроме слухов, нет никакой достоверной информации, разве только об их светской жизни.

– Информации и не может быть. Она вся хранится в тайне, а я знаю, поскольку мой прапрапрадед в этих башнях когда-то лично общался с защитниками и даже прожил здесь какое-то время. Все, что узнал, записал в дневнике и завещал хранить его в семье.

– И что ты такого знаешь, чего никто другой не знает? – усмехнулась Селеста.

– Например, как защитники умеют чувствовать страх и боль человека, потому что сами они древние существа, а вовсе не люди.

– Ха!

– А ты думаешь, почему они так четко разделяют себя с нами? Почему живут отдельно, родами, в своих закрытых сообществах?

– Да ладно.

– То есть им тяжело ощущать людские чувства? А разве они не могут эти ощущения контролировать?

У меня, в отличие от Селесты, слова Доминики не вызывали недоверия.

– Конечно, умеют. Открываются, когда нужно, но в основном ставят щит, ведь им приходится вращаться в нашем обществе, раз самих защитников настолько мало. Но потому они замкнутые и не проявляют эмоций, эта способность блокировать чужие чувства и на собственное восприятие накладывает отпечаток.

– Ерунда! Они просто одарены необычайной силой, вот и все отличие, – заявила Селеста. – Ах! – С романтическим вздохом она раскинула руки и упала спиной на кровать. – Я, кажется, влюбилась.

– С ума сошла, влюбляться в защитника! – покрутила пальцем у виска Доминика.

– Тебя не спросила. – Подруга повернулась на бок, подперла рукой голову и заявила: – Я придумаю способ, как Эсташа заполучить. И больше не буду действовать так глупо, как сегодня, копируя остальных.

– Только не будь душой, – сказала соседка, – не провоцируй его. Защитников нельзя провоцировать. Говорят, если они не удержат под контролем собственную силу, человек от ее мощи может сойти с ума.

– Да, как же! Если они так устроены, что стремятся охранять нас, людей, то я и буду воздействовать на этот инстинкт, но по-умному. Ты была права, Маришка, просто попадаться ему на пути – это глупо.

– Воздействовать на инстинкт защитника? – Доминика откровенно расхохоталась. – Смелости не хватит. Чтобы его пробудить, нужно самой попытаться убиться, причем у Эсташа на глазах. Или ты думаешь, что защитник среагирует на какую-то мелочь? Он поможет с легкостью просто в силу своего воспитания, но вот чтобы на самом глубоком, подсознательном уровне... Да тебе придется с башни прыгнуть.

– Посмотрим, – загадочно ответила Селеста, – обязательно найду способ.

А когда с наступлением темноты мы улеглись в кровати, я долго лежала без сна, смотрела на тонкий серп луны, зависший в темном небе, и вспоминала свой переход по веревочному мосту. Как дрожали под ногами деревянные доски, как ходили ходуном в ладонях веревки и ветер завывал в расщелине, от которой отделял лишь настил старого моста. Крики директора, стремившегося заставить меня перебороть свой страх. И я действительно пыталась ползти вперед, чтобы добраться до спасительного края. А потом были протянутые ко мне руки защитника, такого спокойного, непоколебимого в своей уверенности. И ветер вдруг стих. Я ощутила силу, необычную, странную, она обволокла мост на всем его протяжении тонкой пленкой оградительного щита, пробежала по веревочным перилам, отрезая прозрачной стеной дорогу бушующему ветру, и дала несколько драгоценных минут на то, чтобы быстро добежать до другого края.

Он просто помог, потратив уйму энергии. Доминика сказала бы – в силу воспитания, а Селеста непременно оспорила, что из-за природы защитников. Но как же необычно встретить подобного человека, а может, действительно не человека, а древнее существо, представителя почти погибшей расы тех, кто умел помогать.

Я повернулась на бок и подтянула к груди колени, потерла ладонью лицо и ощутила вдруг влагу на ресницах. Ведь и не собиралась плакать. Просто екнуло что-то в груди, накатили воспоминания о том, как были построены башни моей гимназии, об обитавших здесь воинах, чьи скульптуры застыли, словно живые, на вершинах устремившихся в небо крыш и круглых площадках.

Селеста говорила, что, кажется, влюбилась. И буквально перед самым сном забралась ко мне в кровать и тихо попросила: «Пожелай, чтобы он обратил на меня внимание».

– Что ты, Сеша, – прошептала я совсем тихо, не желая будить Доминику. – Знаешь ведь, мой дар совсем не работает или работает не так. Желания практически никогда не исполняются или воплощаются абсолютно иным образом, не так, как представлялось.

– Все равно пожелай, что тебе стоит? Честно говорю, прежде такого не испытывала. Ну хоть чуть-чуть внимания с его стороны.

– Хорошо, – вздохнула я, – желаю тебе внимания Эсташа тен Лорана.

– Спасибо! – Селеста обняла порывисто, крепко прижалась ко мне и счастливая убежала спать, искренне веря, что мой бесполезный дар сработает как надо.

Сейчас, погружаясь в тягучую дрему, балансируя на грани яви и сна, я подумала: а если бы Эташу приходилось спасать меня, вот как сегодня, от действительно опасных ситуаций, это пробудило бы его инстинкт защитника?

Эта мысль скользнула по самой кромке рассеянного сознания, и я погрузилась в настоящий глубокий сон.

– Благородные тэа, ну разве можно разводить такую грязь? Тэа Диарго, кто так кромсает капусту, повсюду летят ошметки, и на столе ее у вас больше, чем в пиале. Тэа Ланто, я отправлю вас пересдавать плетения, усильте связи. Тэа Эста, пока вы мечтаете, ваши овощи не приготовятся сами по себе. Селеста, умница, у тебя выходит чудесный пирог.

Дона Комфи, смешная пухленькая преподавательница, порхала между столами учениц и каждой давала советы. Если ей что-то не нравилось, она обращалась исключительно официально, а когда была довольна, называла по имени и непременно хвалила.

Среагировав на оклик доны, я вернулась мыслями обратно в класс и посмотрела на овощи, которые аккуратно нарезались на дощечке ровными кубиками. Даже задумавшись, я не отпустила плетения, а вот ближайшая ко мне соседка ругалась сквозь зубы, пытаясь удержать хрупкие связи.

– Ах, тэа Ланто... Ведь вы будущая хозяйка! Итак, девушки, кто мне ответит, что должна уметь настоящая хранительница очага?

– Все успевать, – ответили мы хором.

– А как, дорогие, можно все успеть, если у вас только две руки?

– С помощью плетений, – слаженно, как курсанты в строю, отчеканили мы.

– Именно!

Дона Комфи выбросила в стороны ладони, сплетая пальцами разные фигуры и попутно связывая их между собой, и тут же сам по себе большой поварской нож принялся крошить зелень, а дощечка взлетела и сбросила нарезанные ингредиенты в мгновенно открывшуюся кастрюльку, и огонь под ней уменьшился, чтобы вода не выкипала через край.

– Вот так мы управляемся на кухне, девушки. Держите плетения, больше концентрации и не отвлекайтесь по пустякам.

Аделаида Ланто, наша староста, утерла высокий лоб белоснежным передником и принялась заново усиливать связи между плетениями.

Мои же руки порхали сами по себе, привычно выплетая узоры, даже особо задумываться над процессом не приходилось. Огонь в магической горелке уже был отрегулирован до нужной температуры. Оставалось только посолить.

В целом с уроком домоведения я справлялась неплохо, хотя в готовке Селеста отличалась большим талантом. Я выбирала блюда попроще, а подруга обожала экспериментировать со всякой выпечкой, которая выходила просто пальчики оближешь. Часто дона Комфи разрешала нам утаскивать свои кулинарные шедевры на общий стол после окончания занятий, тогда мы не ходили на обед в столовую, а располагались прямо в классе, пробуя творения друг друга.

– Больше внимания! – хлопнула в ладоши учительница. Снова вернувшись мыслями в класс, я обнаружила, что задумчиво потряхиваю солонкой над чугунной сковородой. – Сегодняшние задания будут идти как тестовые.

– О-о-о! – как одна выдохнули девчонки, только Селеста радостно улыбнулась.

– Вы не ослышались, и результаты будут оценены независимыми экспертами.

– У-у-у!

– Ну-ну! Настоящая хозяйка всегда должна быть готова, собранна, а плоды ее трудов – идеальны.

Добродушную и в целом милую дону Комфи отличала всепоглощающая страсть к собственному предмету, и в этом вопросе учительница была неумолима. Пересдавать приходилось

до бесконечности, если ее не устраивал результат. Неожиданные тесты являлись излюбленным методом проверки. Обычно в качестве подопытных выступали гимназисты четвертого курса, которые приглашались к нам на обед из мужского крыла.

– Сегодня тестировать будут не наши милые мальчики, – дона погрозила пальцем, – а то знаю я ваши договоренности, всегда умудряетесь заранее передать записочку. Блюда подадите к преподавательскому столу на обед. Каждый из преподавателей попробует творение каждой гимназистки и оценит.

Селеста улынулась еще шире, с любовью глядя на подрумянившийся пирог, а я в панике потянулась ложкой к сковородке и попробовала рагу на вкус.

Пересолено!

Преподаватели принимали пищу отдельно от остальных гимназистов в полукруглом зале, примыкавшем к общей обширной столовой. Урок домоведения у нас всегда проходил до обеда, а потому блюда для дегустации были готовы точно к положенному времени. То есть когда мы вошли, держа кулинарные шедевры на подносах, накрытых крышками, все учителя, включая директора, уже заняли свои места.

– Вперед, тэа, – подбодрила нас дона Комфи, а преподаватели и глава школы с настороженным любопытством следили, как мы дружной стайкой пробираемся к общему длинному столу, присматривая каждая для себя невинную жертву.

Повара выглядывали из-за своей перегородки, в случае чего готовые нести голодным мужчинам и женщинам, особо пострадавшим на поприще воспитания будущих хозяек, нормальную еду.

Одна дона Комфи совсем не волновалась. С такой муштрой, как в нашей гимназии, ошибка была почти невозможна. Почти.

Толпа девчонок ринулась к тен Лорану, но проворней всех оказалась Селеста, замершая рядом с защитником с чрезвычайно довольным видом. Остальные, разочарованно и гневно зыркнув на подругу, принялись проходить дальше, словно собирались так сделать изначально.

Я чуть замешкалась только потому, что выглядывала среди учителей хоть кого-то, способного спасти от прилюдного позора. Как и упоминала прежде, наказания в гимназии были суровы. Мало того что меня ожидал прилюдный жесткий выговор, так еще пришлось бы потом дня три есть на обед пересоленную пищу.

Взгляд остановился на Алларе, моем любимом учителе. Уже в годах, поседевший, но всегда державший ровно спину и голову, полный внутреннего достоинства, преподаватель при всей внешней строгости являлся самым добрым и чутким человеком на свете. Он сидел с левой стороны от Эсташа, а потому целая толпа тэа благополучно его миновала. Чтобы не оказаться в глупом положении, им пришлось огибать стол, а мой учитель провожал девушек насмешливым взглядом. Даже боюсь представить, сколько незаметных щипков досталось Селесте, стойко терпевшей их ради счастья обслужить вожака добычу.

– Арис Аллар, – остановилась я рядом с учителем и быстро поставила перед ним поднос.

– Маришка, – искренне улыбнулся обрадовавшийся мужчина. Преподаватель совершенно бессовестным образом пользовался своим возрастом и положением, чтобы напрочь игнорировать все официальные обращения. Излюбленной манерой поощрения для солидного вдовца было предлагать каждой порадовавшей его тэа стать следующей сабен³ Аллар. – Что там у тебя сегодня, не мои ли любимые пирожки с капустой?

– Арис Аллар, – я жутко смутилась, – у нас ведь сегодня зачет.

– Да, да, – кивнул учитель, снимая крышку и вдыхая аромат овощного рагу. – Риана предупредила. Сейчас обнесешь остальных.

³ **Сабен** – жена, супруга; уважительное обращение к замужней женщине.

– Просто нам не сказали заранее, – пробормотала я, накладывая на тарелку преподавателя первую ложку. – А вы, если не ошибаюсь, очень любите рагу? Правда?

Арис удивленно изогнул брови, в глазах загорелись смешинки.

– Люблю, – кивнул он, придвигая горшочек с неудавшимся блюдом поближе. – Помните, моя дражайшая сабен готовила рагу каждое воскресенье. С тех пор никто так не радовал. У тебя здесь совсем немного, едва одному хватит. Ты не ходи дальше, еды всем и без рагу достаточно.

И он тихо рассмеялся, а я одними губами прошептала «спасибо» и, отыскав глазами графин с водой, быстро передвинула его поближе к Аллару.

– Хотите пить? – спросила умоляющим голосом, когда он с трудом проглотил первую ложку.

– Жестокос... милостивая дева, – откашлялся арис, – налей побольше.

И снова мужественно зачерпнул из горшочка.

– Желаете пирога, Олайош? – вдруг склонился к моему преподавателю Эсташ. Лицо его было невозмутимо, а голос звучал совершенно буднично. – Очень вкусный, приятное дополнение к любому блюду.

– Да, я бы заел, кхм, отведал. Даже готов взамен поделиться своим блюдом. Очень пикантный вкус у этого рагу, поверьте.

И пока Эсташ не успел отказаться, стал проворно накладывать ему на тарелку рагу. После семи ложек, с помощью которых к тен Лорану переключалась почти половина горшочка, едва Аллар потянулся зачерпнуть восьмую, тарелка Эсташа медленно отъехала к правой ладони преподавателя, а его левая рука будто невзначай устроилась на столе, преградив дорогу к блюду.

Защитник явно отличался разумной жертвенностью, а потому Олайош, досадливо поморщившись, восьмую ложку проглотил сам и заел ее большим куском пирога. От остальных блюд, подносимых другими ученицами, он храбро отказывался, собираясь спасти меня до победного конца.

Опустошив горшочек, Олайош допил воду из графина и, отерев глаза белоснежной салфеткой, снова взглянул на меня. Я стояла рядом с покаянным и печальным видом. Как только учитель отложил ложку, быстро переместила горшочек на поднос и накрыла крышкой.

– Маришка, а ну напомни, сколько раз я на тебе жениться обещал?

– Девятнадцать, – грустила я.

– Во-от, – протянул учитель, воздев к потолку палец, – двадцатого не будет.

Я вздохнула еще горше.

– А двадцать первый может быть, если вечером у меня в комнате вдруг появятся пирожки с капустой.

Радостно улыбнувшись, я прошептала, что все будет, а Олайош незаметно кивнул на Эсташа и заговорщицки пробормотал: «В двойном размере».

Заметив, что учителя пообедали и с довольным видом отодвигают от себя тарелки, донна Комфи поторопила нас убрать со стола и поинтересовалась впечатлениями преподавателей.

Больше всего восторгов досталось Селесте, еще очень хвалили наших троих кудесниц: Бенину, Лиату и Анаю, – а насчет остальных высказались более сдержанно, хотя заметили, что старались все.

Меня не выдал ни один из отведавших рагу мужчин. Оба с достоинством отметили пикантный вкус блюда, но, учитывая пустой горшочек и пустые же тарелки преподавателей, донна Комфи ничего не заподозрила.

Я только сейчас обратила внимание, что Эсташ действительно съел все, подsunутое ему коварным Алларом. Возможно, ему было немного легче, поскольку большая часть пирога

Селесты была отрезана исключительно для него. К тому же девчонки, чьи блюда удались, очень стремились порадовать преподавателя, остальные же не рисковали накладывать больше маленькой ложечки, чтобы не испортить собственной репутации в глазах обожаемого защитника. Мне о репутации заботиться было поздно.

За дверями столовой донна Комфи всех похвалила и отметила, что мы справились хорошо и она в нас не сомневалась.

Я вызвалась убрать испачканную посуду вместо дежурной гимназистки, пробравшись таким образом на кухню. В хозяйственном закутке, использовавшемся ученицами для уборки после уроков домоведения, стоял большой чан с водой и находилась глубокая раковина. Тут же имелась сосланная в уголок небольшая печка, которой редко пользовались из-за ее размеров. Приготовить пирожки без нее было бы гораздо сложнее. Я, конечно, могла слепить их, а после поджаривать в комнате каждый на магической горелке, но это требовало больше времени и сил, а потому поспешила воспользоваться печкой, пока убирала посуду.

Сунув пару монет помощнице поварихи, которая помогла внести в закуток испачканные блюда, получила от нее немного готового теста, капусту и лук. Недаром на плетении я была одной из лучших учениц, эти навыки особенно пригодились сейчас, когда приходилось одновременно мыть посуду и лепить пирожки для Аллара. Вырисовывая сложные фигуры и связывая их между собой, я задавалась вопросом, а как быстро могла бы управиться, владей навыком связывать внутреннюю силу с аурой вещей. Впрочем, на эксперименты не решалась, желая в этот раз не напортачить, чтобы достойно отблагодарить Олайоша.

Покончив с уборкой и готовкой, я завернула пирожки в специальную бумагу для выпечки, чтобы они не остыли до вечера, и поспешила отнести все в комнату, пока не пришла пора отправляться на послеобеденные занятия.

Глава 5

Приворот

Вечером мне оставалось еще пробраться в преподавательскую башню и дойти до учительской Аллара. Олайош частенько задерживался допоздна в небольшом кабинете с чуланом для хранения учебных пособий. Готовился к занятиям, а после любил попить чаю и немного отдохнуть, и я нередко по его приглашению составляла арису компанию, всегда без приключений минуя опустевшие после занятий переходы.

Башня преподавателей в отличие от крыла мужского общежития не находилась под запретом в вечернее время. Иногда ученики именно после уроков отправлялись на консультации, вот только наступала эта пора обычно перед экзаменами, в остальное время года особых любителей учебы в свободные от занятий часы не находилось.

Когда я, пристроив под просторной шалью корзину, уже собиралась выйти из комнаты, меня остановила Селеста. Подруга была в курсе происхождения на уроке домоведения и тихонько посмеивалась надо мной и способом, придуманным для решения проблемы.

– Мариша, погоди, я с тобой.

Я удивленно оглядела прихорашивавшуюся у зеркала подругу. Этим вечером Доминика убежала гулять и в комнате мы остались одни, а потому можно было без опаски спросить у Селесты прямо, куда она собралась.

– Иду с тобой в преподавательскую башню, к Эсташу.

Сложно передать словами мое удивление.

– Директор упоминал, что тен Лоран собирался готовиться к первым практическим занятиям, а значит, он должен быть в кабинете магической защиты.

– Ты не говорила, что он приглашал тебя на консультацию.

– Ой, поверь, Маришка, он сейчас мечтает, чтобы я пришла.

– Почему? – нахмурившись, пыталась сообразить, откуда у Селесты такая уверенность.

– Потому что в пирог я подмешала приворотное зелье, – счастливо улыбнулась подруга.

– Что?!

– Да, надо действовать решительно. Ты видела, как остальные девчонки активно наседали на моего защитника сегодня? Они готовы были его на кусочки порвать.

– Но почему он твой?

– Я ему нравлюсь. Эсташ хвалил мой талант и говорил еще немало приятного во время обеда.

– И это повод его накормить приворотным пирогом? Как ты подмешала зелье?

– Незаметно для Комфи и только в ту часть пирога, которую отрезала Эсташу.

И более не слушая моих возражений, Селеста первая выпорхнула за дверь. А я просто поверить не могла в ее поступок. С появлением защитника подругу словно подменили.

Расстались мы в самой башне на площадке винтовой лестницы. Мой путь пролегал на верхний этаж, а Селесте требовалось спуститься ниже. Проводив девушку глазами и вновь уверившись в твердости ее намерений, от которых не удалось отговорить на протяжении всего пути, я грустно вздохнула. Оставалось надеяться, что защитник сумеет справиться с хрупкой гимназисткой и быстро выдворит Селесту за дверь, что вернет ее разум на место.

С каждой минутой в учительской становилось все душнее, воздух стучался и уже давил на него всей своей массой, вместе со стенами и потолком довольно просторной комнаты. Не выдержав, Эсташ отодвинул на край листы с планом завтрашней тренировки и откинулся на спинку стула. В раскрытое окно, лишь на миг полыхнувшее синим защитным экраном,

свободно влетел бумажный голубок и приземлился на стол. Расправившись гладким белым листом, он явил глазам тен Лорана послание от Олайоша:

«У меня к тебе безотлагательное дело».

Вздохнув, защитник сжал пальцами виски, в которых гулко стучало, словно пытаюсь расколоть череп изнутри, и поднялся на ноги. Аллар редко присылал ему подобные сообщения, разве только в исключительных случаях, а значит, дело действительно безотлагательное. Выйдя в коридор, мужчина предпочел лестнице, проходившей внутри башни, ту, что опоясывала ее снаружи. Ему требовался свежий воздух и вечерняя прохлада, способная остудить с каждой секундой все ярче пылающее лицо. И пока он взбирался по бесконечным ступенькам, дурнота накатывала сильнее. За ручку дверцы, ведущей в коридор верхнего этажа, Эсташ схватился, ощущая себя практически больным.

Ввалившись внутрь узкого удлиненного пространства, он вновь почувствовал нехватку кислорода и, цепляясь одной рукой за стену, пошел вперед, ощущая, как все сложнее переставлять ноги, но стремясь поскорее добраться до кабинета друга и найти там укрытие.

Отрава. Он знал эти ощущения. Отрава в его крови. Приворот, подлитый почти в каждое из отведанных во время обеда блюд. Яд, который заставлял все жарче разгораться внутренний очищающий огонь, способный уберечь защитника. Пламя могло сжечь любую отраву в теле, но только когда та достигала наибольшей концентрации. Самому Эсташу все это обещало мучительные минуты настоящих душевных и телесных пыток, в то время как столь несвойственные мужчине желания вдруг начали туманить разум.

Перед глазами расплзался красный туман, в виски глухо билась мысль, что единственное лекарство, способное мгновенно избавить его от боли, – это женщина. Абсолютно любая. Лишь бы только коснуться ее, ощутить особенный аромат, свойственный женскому телу, дотронуться поцелуем до нежных губ, обхватить руками тонкую талию...

Глухо застонав, Эсташ привалился к стене и медленно сполз на пол, всеми силами пытаясь вернуть утраченный на минуты огненной пытки разум. Внутренний голос упорно шептал, что, прежде чем огонь очистит кровь и избавит от мучений, можно найти другой способ исцелиться. Просто коснуться, просто сорвать с губ поцелуй. Последняя здравая мысль, мелькнувшая в охваченном коротким, но оттого не менее бурным безумием мозгу, была о том, что в эту пору ни одна несчастная не забредет в коридор к невменяемому защитнику. А потом ушей Эсташа коснулся звук легких шагов.

Я поднялась до нужного этажа и толкнула дверь. Повернула налево и направилась к учительской, которую занимал Аллар. Подходя все ближе, постепенно замедляла шаг, поскольку в конце коридора заметила вдруг чью-то неподвижную фигуру. Это было настолько неожиданно, что я в итоге остановилась, а вот тот, кто еще секунду назад сидел без движения, резко вскинул голову и в мгновение ока оказался на ногах.

– Арис Лоран, это вы, – выдохнула, не успев даже заметить, как он очутился совсем близко. Всего несколько мгновений назад был далеко и вдруг оказался на расстоянии вытянутой руки.

Мужчина молчал. Не поздоровался привычно, ничего не ответил, но смотрел на меня, а глаза странно горели, и их блеск показался опасным. На ум тут же пришла фраза Селены о привороте.

Нервозность резко переросла в панику, стоило лишь догадаться о причине горящего взора и необычного молчаливого созерцания.

Проклятье! Что подруга ему подмешала? И как, ради всего святого, на защитников действуют привороты?

Молчание затянулось, став угрожающим и тревожным. Я не говорила ни слова, поскольку опасалась пошевелиться и спровоцировать, а он был занят пристальным изучением. Даже не

понимаю, что такого он видел в моем лице. Может, просто пытался совладать с собой в этот момент? Хотел справиться с последствиями глупой выходки моей подруги? Глупой, так как достаточно было взглянуть на напряженного мужчину, осознать себя наедине с ним в пустом коридоре, когда до двери в кабинет Аллара еще нужно было добраться, чтобы съежиться от страха.

Первое движение сделал он. Просто протянул ладонь, не знаю для чего, вероятно, хотел прикоснуться, но я отшатнулась. Выронила из рук корзинку и, резко развернувшись, помчалась обратно к лестнице. А через минуту забарахталась в невидимой сетке. Она обвязала руки и ноги, сковала меня и неумолимо потянула назад.

Рывок, резкий разворот – и сетка распалась, а я вновь очутилась лицом к лицу с защитником, но тут же сделала попытку проскочить вперед, теперь уже в учительскую. Вытянутая рука преградила дорогу. Я налетела на нее и оказалась мигом придавлена к стене. Невидимой стене позади меня.

Как же жутко оказаться совершенно беспомощной наедине с человеком, обладающим поистине чудовищной силой, видеть его горящий взор, от которого хочется закрыться, слышать молчание, что красноречивее всяких слов, и барахтаться беспомощно, не умея совладать с его магией. Единственное, что могла еще сделать, это схватиться за прижавшую меня руку и попытаться поговорить.

– Простите, арис Лоран, мне очень нужно идти. Меня ждут.

Следующую попытку убежать даже предпринимать не стоило, однако паника не способствует разумным поступкам. Воспользовавшись тем, что мужчина ослабил давление на грудную клетку, я попробовала поднырнуть под его рукой и уйти в сторону.

Он поймал, перехватил за локоть, вновь развернул лицом к себе, а пальцы вдавились в мои плечи. Сквозь плотно сжатые губы вырвался напряженный рваный выдох, взгляд опалил не хуже жаркого огня и тем же жаром полыхала его кожа. Я ощущала это даже через плотную ткань форменного платья. Не делая больше попытки убежать, затаилась, до последнего надеясь, что вот сейчас защитник придет в себя.

Не ощутив отпора, он ослабил хватку на плечах и даже немного отстранился, резко тряхнув головой. Будто стремился избавиться от того, что сковало его волю. Показалось, взгляд Эсташа стал проясняться, и тут вдруг он скривился, как от резкой боли, а я вскрикнула, потому что пальцы сжали плечи до хруста. Мой крик сработал словно пощечина. Защитник дернул головой, вскинулся, снова впился взглядом в мое лицо и очень жестко сдавил затылок ладонью, медленно привлекая к себе.

Показная покорность тут же истаяла. Я уперлась изо всех сил, попыталась отклониться, ужасно испугавшись поцелуя. Ничего хорошего сказать о них не могла. Противное и неприятное действие, после которого хочется плевать и полоскать рот, пока не отмоешься от чужих прикосновений. А еще сам факт того, что меня вновь заставляли, вновь хотели навязать тошнотворные ощущения.

Я ударила тен Лорана куда пришлось, кажется, по плечу. Сама уже не различала в пылу ожесточенного сопротивления. Толкнула со всей силы, он поддался, отклонился, отпуская. И в тот момент, когда я перевела дух, ощутив мнимую свободу, он поймал губами мои губы. В обманном маневре, в неожиданной и оттого странной манере, будто отпустив, резко склонился и сорвал мимолетный поцелуй.

Эташ разом выдохнул, как если бы боль отпустила, а я поперхнулась воздухом и посмотрела изумленно. Не поняла, отчего жар разлился по щекам, горлу и груди от согретых легким и стремительным прикосновением губ. Тяжестью налилась голова, я качнулась назад, а его рука перехватила за талию, опять потянула вперед, прижала к груди защитника. И когда мужчина снова склонился к моим губам, я подняла руки, но они замерли над широкими плечами, не обнимая и не отталкивая.

Придя в полное замешательство, ощущала, что пьянею, теряю опору под ногами. Холод в груди и паника, а вместе с ними застарелая липкая боль растворялись и отпускали. Доверие, такое неожиданное, разрасталось в душе, освобождая от старого груза, давившего на плечи с самого детства. Каждый может обидеть, даже тот, от кого не ждешь, – эта старая истина, усвоенная после нападения старика, к которому я пришла в поисках работы, которого даже не воспринимала как мужчину, она тоже стала уходить далеко-далеко, теряясь в дали лет, где и следовало оставить ее, позабыв.

Тепло, легкость, счастье, вот что заполнило душу. Исцеление. И как, оказывается, хорошо и спокойно может быть, когда обнимает и целует мужчина. Не больно, не страшно.

Но все же я быстро хмелела, на смену тихому счастливому теплу и нежности приходило головокружение, покалывание на коже и мурашки по спине. В груди закручивался маленький смерч, отчего стало ощутимо потряхивать, и теперь от каждого касания губ я вздрагивала, но не отстранялась.

А когда его рука так неожиданно соскользнула с моей талии и губы отдалились, я оказалась в полном замешательстве, совершенно неподготовленная к тому, что Эсташ отпустит. От растерянности привалилась к стене, закрыв рот ладонью.

Защитник теперь выглядел совершенно иначе, преобразился буквально на глазах, точно невидимые тиски разжались, перестали крутить и сковывать его. Взгляд стал осмысленным и не горел пугающим пламенем. И следующим, что я услышала, был шепот, сложившийся в мое имя:

– Мариона... – и тихий вздох.

Показалось, мужчина меня только что узнал, и это неожиданно задело. Разве он не разобрал, кто перед ним? Эсташ целовал какую-то другую девушку? Или ему было не важно, кого он с такой страстью обнимал? Даже сам шепот прозвучал для моего слуха по-иному, как если бы защитник произнес: «Что же вы попадаетесь на моем пути, Мариона?»

Прижав ко рту и вторую ладонь, я молча смотрела на него, а потом приглушенно и невнятно пробормотала:

– Я шла к арису Аллару, а вы... – Обида всколыхнулась еще резче, острая и такая же изумленная, как и все мое существо. – А вы рассыпали его пирожки!

Отчего-то всхлипнув, указала на упавшую корзину.

– Мариона... – Я плохо слышала его голос, в ушах шумела кровь. – Мне жаль. Подойди вы несколькими минутами позже, и этого бы не произошло. Извините, что напугал.

Будто мне нужны были его сожаления! Да он с ума сошел жалеть о том, что меня поцеловал. Это даже хуже, чем письмо с отказом.

– Не напугали, – пробормотала я со злостью, – а напали, арис Лоран.

Я не видела, какой эффект произвели эти слова. Руки подрагивали, пока, опустив голову, я пыталась собрать пирожки. Эсташ молчал. Но теперь мне становилось стыдно от этого молчания. Если бы он и дальше разжигал злость, я бы уже все пирожки сложила и убежала из коридора. Однако пока он не произносил ни слова, мысль, что обвинила его в поведении, вызванном приворотным зельем, заставляла гореть от стыда.

И тут все пирожки, так подло ускользавшие из дрожащих рук, вдруг взлетели в воздух. От них миготом отстала пыль и грязь. Будто только что вынутые из печки, они снова запылали жаром и аккуратно сложились в корзину.

– Худшие слова для защитника, – сказал Эсташ, стоило мне взглянуть на него.

Мужское лицо казалось по-обыденному спокойным, а голос звучал привычно ровно. Он просто констатировал факт, без мелочных обид и оправданий. Признавал за мной право именно так описать случившееся и даже брал вину на себя. А я вдруг увидела, что его глаза вовсе не серые. Вблизи их оттенок был подобен темному аквамарину – необычный и очень редкий цвет.

Пока старалась взять себя в руки, отвлечься от созерцания его лица, напомнить себе о произошедшей ситуации, подобрать верный ответ, защитник поднял корзину и склонил на прощанье голову.

– До свидания, Мариона. Если позволите, я сам передам Олайошу ваш подарок.

Он отвернулся, пошел дальше по коридору, а потом исчез за дверью учительской Аллара, и только тогда я смогла вымолвить: «Простите».

– Старый сводник, – устало вздохнул тен Лоран, закинув за голову руки и рассматривая потолок небольшой комнаты.

– А что я, – жуя третий по счету пирожок, отвечал Олайош, – я тебя спасал. Ты представь, сколько девиц сейчас в кабинет магической защиты одна за другой пробрались. То-то они удивились, увидев друг друга. Дряни приворотной в тебя немало впихнули, наверное больше, чем самой еды.

– Ты послал письмо, точно рассчитав время, чтобы я столкнулся с Марионой в коридоре.

– Ну столкнулся, ну бывает. Лучше с одной, чем с полком девиц. В башнях отныне, друг мой, столько хорошеньких гимназисток, что только успевай отбиваться. Они лишь с виду идеальные, а вот здесь, – Аллар постучал себя по голове, – ветер гуляет. Какие только мысли не появляются в милых головках при виде красивого мужчины и каких только мыслей ему не приписывают, пусть их даже в помине нет. Не заслужили они поцелуев защитника, а вот Маришка заслужила. Сгорел бы приворот без всяких последствий, но и впустую, а тут вышло девочке лечение. Что ты у нее забрал?

– Боль, обиду и страх. Неуверенность и отвращение.

– Сколько всего! Ты мне ребенка насмерть не зацеловал?

– Вовремя остановился.

– Тогда отлично все получилось! – Аллар потер руки. – Ведь обвязали сердечко, как паутиной. Я ж смотрю, три года она в академии, парнишки вокруг вьются, а малышка их ближе не подпускает. Теперь не будет избегать мужчин, которые ей зла не желают.

– Олайош...

– Что?

– Не делай так больше. Никакого сводничества.

Эташ убрал руки и опустил голову, посмотрев прямо в глаза старому другу.

В первый миг Аллара обожгло. Олайош дернулся и сглотнул, потянул за ворот, освобождая больше места для вдоха. Секунда паники, когда хотелось дернуться и сбежать, а потом он склонил голову, давая обещание. Ни противостоять, ни сопротивляться арис не мог. Пусть в нем самом текла кровь защитников, но выше всегда стояли те, в ком не было ничего от людей, кто обладал чистой силой.

– Зря ты так, – прохрипел он, когда отпустило. – Славная девочка. Сам бы женился.

Эташ в ответ качнул головой.

– Что ты сразу в отказ? Заодно и семье поможешь. Богатая невеста прямо под боком.

– У меня есть брат, Олайош, он и женится ради семьи, – на миг замолчав, защитник добавил, – в свое время.

– Ох уж эти предания, Эташ. Забудь. Они устарели. Наследник неизменной крови, прямой потомок Царима и прочее и прочее. Да сколько уже веков прошло!

– Сколько бы ни прошло, – возразил защитник. – Разве я – учитель, Олайош? Но время циклично и круг повторяется, и вот я снова здесь, в башнях Царима.

– На мой взгляд, нужда заставила. Самая обычная, которая и прочих людей касается, не одного тебя. Ты спасаешь тех, у кого нет иных шансов, но взамен ничего не просишь. Одно дело, если делаешь это по службе или в казармах, когда за работу хотя бы регулярно еду дают,

но твоей семье этого мало. Им приходится вращаться в высшем обществе, им нужны деньги, а ты – глава рода.

Олайош замолчал, выжидательно глядя на защитника, а после вздохнул:

– Эх, не убедить тебя!

– Не убеждай, – согласился Эсташ. – Я не стану трогать этого ребенка. У нее своя дорога, у меня своя.

– Как знаешь, – окончательно сдался Аллар. – Сам жалеть будешь, когда уведут из-под носа такой подарок. Вон какие пирожки готовит.

– А еще рагу, – усмехнулся тен Лоран.

– Пикантное, – кивнул в ответ Аллар, и в комнате раздался веселый смех. Он звучал раскатисто, отскакивая от каменных стен, и снова стирал границы между человеком и защитником, оставляя наедине старых друзей.

Глава 6

Танцы

Ох, я была зла! Я была так зла, что могла совершить по-настоящему жестокий поступок. Это ведь надо такое сотворить! Это же надо так меня подставить! Ну я ей устрою!

Дверь в комнату распахнулась с оглушительным грохотом, какой только можно создать, ударив ее ногой со всей силы. Поступок, в общем-то, совсем не украшающий воспитанную девушку.

Внутри, однако, никого не оказалось. Мне не удалось быстро сорвать свою злость, а пришлось доходить до высшей точки кипения в гордом одиночестве, сидя, стиснув на груди руки и сверля гневным взглядом дверь.

Думаю, Селеста сразу догадалась, что ей светят крупные неприятности, поэтому, едва войдя в комнату, тут же попыталась выйти обратно.

– А ну, стой!

– Что? – Подруга порывисто обернулась и сделала невинные глаза, продвигаясь вдоль стенок подальше от меня.

– Я ведь говорила тебе, Сеша, что плохо подливать учителю зелье!

– Да что ты, Ма...

– А ты даже слушать не захотела!

– Так сделанного не воротишь. Я ведь не могла забрать обратно съеденный пирог.

– Ты побежала в башню, хотя я твердила, как это опасно.

– Что опасного, если я там не одна оказалась! – в сердцах высказалась Селеста и тут же покраснела, прижав ладонь к губам.

У меня вся кровь отхлынула от лица.

– И сколько вас таких? – Теперь я даже не кричала.

– Не знаю, сколько пришло, может, не все. Но это совсем никуда не годится. Я ведь уверена была, что сама додумалась использовать приворот.

Ой, силы небесные! Это как же мне повезло! Мне невероятно крупно повезло. Слава железному самообладанию защитников и всей их природе, слава их сущности, самой сути их воспитания и всему, всему! Поцелуй! Это же смешно. Это ведь совсем легко отделалась! Да окажись на месте Эсташа другой мужчина, и живой бы из коридора не выбралась. Последствия запоздалого испуга проявились на лице красными пятнами. Сразу загорелись щеки и горло сдавило.

– Мариш, ты что? Аллергия? Тебе орешек в еду попался? Нужны капли?

– Аллергия, – просипела я в ответ, – аллергия на глупость! Где?

– Капли в шкафчике, – подсказала Селеста.

– Где приворотное зелье?

– Оно закончилось, – быстро проговорила подруга, кинув мимолетный взгляд на стол.

И быстрее, чем она успела схватить со столешницы пузырек, я добралась до приворотного средства и сжала его в руке.

– С чем будешь пить? – спокойно и зловеще спросила побледневшую девчонку.

– Маришка, ты чего?

– Глупость нужно лечить сразу, иначе до конца дней не избавишься.

– Мариона! – Подруга выставила вперед ладони, пока я решительно наступала, загоняя ее в угол.

– Заставлю силой, – потрясла я пузырьком.

– Да Эсташа там даже не было!

– Не было, – рявкнула я, – потому что он был на этаже Аллара, провались вы со своими приворотами!

– Ой, так он, он...

– Вот и почувствуешь сейчас, как он. – Я неумолимо протянула средство: – Пей.

У подружки жалобно изогнулись брови, на глаза набежали слезы, и, сглотнув, она вытащила из моих пальцев пузырек. Посмотрела на него, не решаясь открыть, затем вытащила пробку, и в тот миг, когда бутылочка в ее пальцах дрогнула, выплескивая оставшиеся капли, я закончила плетение узора и поймала их у самого пола. Заставила капли втянуться обратно, а пузырек подняться вверх и застыть напротив плотно сжатых губ.

– Пей.

Селеста отчаянно помотала головой.

– Тогда мне стыдно называть тебя подругой.

Губы у девушки задрожали, когда она в отчаянном усилии зажмурила глаза и быстро открыла рот. Зелье пролилось на язык янтарными каплями, и Селеста с трудом сглотнула.

– Фу-у, – скривилась она и всхлипнула, – жестокая!

– Заслужила, – пожала я плечами и со спокойной душой начала готовиться ко сну.

Уже поздно ночью я не могла заснуть из-за тихих рыданий, приглушенных подушкой. Испытывая острую жалость к подруге, я спрыгнула с кровати и потрясла за плечо Доминику.

– А? Что такое? Случилось что? – Наша отличница нервно встрепенулась.

– Приготовь антидот, Ника. У тебя есть ингредиенты для всего. Пожалуйста.

– Какой еще антидот? – не поняла девушка.

– От приворотного зелья. Селесте очень нужно, она себя к себе приворожила.

И уже после успешного применения противоядия мы вместе укладывали расстроенную, заплаканную, но свободную от приворота Сешу в кровать.

– У меня все тело горело, – жаловалась она, – я слова не могла сказать. И в груди так давило, и все вместе – томление, огонь! И так плохо, что глаз не сомкнуть!

– Вот видишь, – поправляя одеяло, говорила я ей, – видишь, как это скверно.

А Доминика кивала, стоя за плечом.

– Это мучи-и-тельно! – снова провыла девушка.

– Еще бы! – хмыкнула Ника. – Маришка, а мне как, еще антидоты варить? Ты остальных пойдешь отпаивать?

– Мне и одной хватило, – вздохнула в ответ и посмотрела в окно, за которым постепенно светало.

Да кто же такой настойчивый? Что нужно? Отстань, Доминика! Я не иду на урок.

Полночи без сна стояли некоторым обитательницам нашей спальни мучительной внутренней борьбы и жалких попыток уговорить себя слезть с кровати.

– И я не иду, – бурчала Селеста, – еще приворот не выветрился.

– Все у тебя выветрилось, – обиженно просопела Доминика, – мои антидоты отлично работают.

– Ты явно напортачила в этот раз. – Широкий зевок смазал конец фразы, и подруга вдруг резко села.

– Девочки, сегодня же первое занятие у тен Лорана!

– После обеда, – теперь уже бурчала я, злясь на обеих за то, что бесцеремонно вторглись в сладкий сон. Мне грезилось солнце, крепкие объятия, поцелуи. Что?! Я тоже резко подскочила.

– Сегодня мальчики придут. – Поджав босые ноги, укрытые казенной ночной рубашкой, Доминика расчесывала длинные волосы. – Первым занятием идут танцы.

– Это чтобы мы все быстро проснулись, – без всякого энтузиазма ответила Селеста. – Но лучше бы урок тен Лорана стоял первым.

«Ничего не лучше», – подумала я, обнаружив, что совсем не горю желанием идти на магическую защиту.

– Если ты не выбросишь его из головы, – погрозила расческой Доминика, – я больше ни одного антидота не сварю.

– А я не буду больше пить это гадкое зелье, – бросив взгляд на меня, хмуро поклялась Селеста. – Не заставишь, Маришка.

– Не пьешь сама и другим не подливай, – зевнула я и потянулась за расческой. На ночь совсем позабыла убрать волосы в косу, и сейчас они спускались до бедер спутанными прядями.

– Мариш, а мы новые стихи сегодня услышим? – хитро сощурилась Ника.

– Какие еще стихи?

– Ну раз по расписанию класс танцев и мальчишки-гимназисты будут с нами в паре, Берт непременно прочтет новые сочинения в твою честь. Ты, надеюсь, записываешь эти шедевры, как я тебе советовала?

– Что за настроение у тебя сегодня? Сыплешь остротами и шутками прямо спросонья.

– Хорошее настроение, романтическое. – Доминика потянулась и вздохнула.

– Точно вчера на свидание бегала! – постановила Селеста. – Держались за ручку через ограду?

– Не-а, – качнула головой девушка и снова улыбнулась. – Поцеловал.

– Через решетку? – изумилась Селеста.

– Ага! – Соседка спрыгнула с кровати, подбежала к узкому окошку и распахнула его, громко закричав: – Э-эй, девчонки, вставай на учебу!

Вереница девушек в форменных белых платьях ниже колена и одетых в строгие черные костюмы парней стекалась в танцевальный павильон центральной башни. Оба крыла, разделенные между собой, теперь соединили деревянные мостики. Юноши-гимназисты из своей башни подходили к стеклянным дверям класса танцев, а мы друг за дружкой шли со своей стороны. Два потока смешивались у входа в класс и втягивались в павильон уже вместе.

– Тэа Эста, – окликнули позади, когда я оказалась на пороге, и стоило большого труда удержаться от страдальческой гримасы. – Тэа Эста, позвольте проводить вас.

Под локоть подхватила юношеская рука, и меня повлекли вперед, к той стене огромного зала, у которой всегда выстраивались гимназистки.

– Спасибо, теон⁴ Венсан, но я бы сама дошла.

– Мариона! – Жаркий шепот на ухо уведомил меня, что пожелание одиночной прогулки осталось неслышанным. – Я сочинил для вас новые стихи.

– Как это мило, – пробормотала в ответ, невольно ускоряя шаг, чтобы побыстрее дойти до места.

– Только послушайте начало, – произнес вдохновленный поэт. – При виде вас все члены во мне встрепенулись...

– Что, кхм, кхм, простите, у вас встрепенулось?

– Душа наизнанку и истекает сердце любовью.

Видимо, сильно истекает.

– О сжался, первопрелестная дива...

Где он находит такие слова?

– И приходи ко мне на свидание! – Полная драматизма пауза и вопрос на выдохе: – Ну как вам?

– Это конец стихотворения? – поразила я.

– Я полагаю расширить его до поэмы. Вам понравилось?

⁴ **Теон** – ученик, гимназист; вежливое обращение к учащемуся высшего учебного заведения.

– Мне? Э-э-э, а как же рифмы, теон Венсан?

– Рифмам свойственно опошлять высокую поэзию. Когда в строках поет душа, ни к чему созвучие окончаний. Так вы придете? – вновь перешел в наступление гимназист. – Вечером, к решетке сада.

– Ой, мне нужно подумать, теон. Благодарю, – присела в коротком поклоне, обрадовавшись, что так вовремя оказалась возле стены. Парень изящно поклонился и направился к зеркальной стене напротив.

Сперва вступил клавесин, к нему присоединились струнные и флейта. На полупальцах, изящно ступая, мы маленькими шажками двинулись к целому строю семенивших навстречу кавалеров. У некоторых получалось шагать ужасно забавно, я даже подозревала, что они делают так нарочно, желая рассмешить партнеров, сохранявших строгое выражение лица.

Наши учителя сурово следили за порядком, смех или нарушение манеры исполнения со строго выдержанными позами, слишком угловатый рисунок вместо закругленных линий карались пыткой заучивать эти движения до полного упадка сил. Однако несмотря на усилия преподавателей, учивших невежественных гимназистов, что такое настоящее изящество и мастерство исполнения, по вечерам почти половина класса со скорбными лицами повторяла те же самые движения до сотни раз. Правда, в законное свободное время никто и не думал приглашать для нас учеников из мужского крыла, и мы оттачивали танцевальные па друг с другом.

Первым моим партнером стал Берт Венсан, ловко занявший место прямо напротив. К счастью, юноша отличался врожденной грацией. Танцевать с ним было легко и просто, чего нельзя было сказать о его умении сочинять стихи. Мой слух определенно страдал, зато ноги оставались в целости. Однако при смене партнера, когда меня подхватил, а точнее, перехватил следующий танцор, ногам повезло меньше. Крепко обняв мою талию, Арто Орсель неловко отдал палцы, укрытые лишь тонким шелком матерчатых туфель.

– Ой, – высказался он, чем, собственно, и закончилось все выражение раскаяния. Арто несвойственно было подозревать себя в неуклюжести или хоть на грамм понижать высокое самомнение, чтобы рассыпаться в извинениях.

Три года воспитания в стенах гимназии сказались на Орселе совершенно непостижимым образом. Потому что постигнуть, как он умудрился остаться таким же самоуверенно грубым, каким явился сюда, для меня казалось невозможным. Вероятно, дело было в его статусе фаворита. Являясь одним из лучших по физической подготовке и магической защите, он часто выступал за школу во время крупных состязаний. За эти первые места и славу, приносимую гимназии, ему многое прощалось. Конечно, я даже не думала подозревать некоторых учителей в излишней снисходительности ввиду высокого статуса отца Арто, сенатора Орселя. Но факт оставался фактом, самомнение гимназиста только выросло к четвертому году обучения.

Некоторые преподаватели мужского крыла, особенно учитель, отвечавший за физическую подготовку мальчишек, были от ученика в искреннем восторге. Орселя даже выбрали эталоном красоты и приводили в пример, когда упоминали о так называемой мужественной наружности. Это было легко понять, стоило лишь положить руку на плечо Арто, на очень крепкое и мускулистое плечо. Плакат с нашим эталоном украшал зал физических занятий весь последний год. Однако справедливости ради замечу, что Орсель впечатлял меня намного сильнее, когда приходилось становиться с ним в пару на танцах. Он считал это занятие глупым и ненужным и вечно подбивал других мальчишек устраивать мелкие каверзы на уроке. Вот и сейчас отдал мне ноги, явно провоцируя, но я не поддалась.

– Эста, – не услышав протеста, обратился он, нарочно не употребив уважительного обращения перед именем.

– Слушаю вас, теон Орсель. – Моей выдержкой восхитилась бы сама преподавательница хороших манер. Улыбка выглядела совершенно искренне, хотя я мечтала потереть занывшие пальчики и захватить локтем в бок Арто.

– Ой, какие мы официальные! Так скоро в перфетки⁵ подашься. Сменишь платьишко на зеленое и станешь похожа на воблу.

Я не совсем поняла сравнение, примененное по отношению к лучшим ученицам гимназии. Именно из перфеток, то есть отличниц с идеальными манерами, формировали самый сильный класс школы Царима. Смена форменного ученического платья светло-серого цвета на нежно-зеленое являлась символом перехода в самое элитарное общество гимназии. Кстати, наша Доминика училась именно в этом, лучшем классе.

– Почему на воблу? – От удивления я позабыла о приличиях, а Арто отвлекся от намерения испортить мне танец и вдруг резко стал двигаться на порядок лучше.

– Они иссыхают от своей учебы.

Я удержалась от смеха, помня, что Орсель своего не упустит и постарается довести меня до нарушения какого-нибудь танцевального правила, чтобы вечером пришлось отрабатывать. Он с момента поступления цеплялся ко мне, дразнил и не давал покоя. То громко заводил дискуссии со своими друзьями на тему новой моды на прически в виде пакли. То в лицо заявлял, что у меня манеры, как у кухарки Орселей. Не раз и не два отмечал неуклюжую утиную походку и торжественно величал меня щепкой.

Как часто вначале я ревела тайком из-за его нападок. Ведь к моменту поступления в школу Царима действительно была такой: нескладной, неуклюжей и неумелой. Все эти годы из кожи вон лезла, чтобы обрести хотя бы внешний лоск. И уже на третьем году наше с Арто противостояние приобрело удивительно изощренные формы. Он более не довольствовался мелкими подколками, а пытался вывести меня из себя очень странными способами, настолько удивительными, что я не всегда могла проследить ход его мыслей.

– Что ты такая тощая, Эста, – стоило мне только задуматься и отвлечься от его сиятельной личности, заявил Орсель, – на твоей талии можно пальцы вместе свести.

– Не сводите сильнее, теон, если не желаете меня сломать.

– Что за шоколадный цвет волос? И блестят так, словно ты их маслом намазала.

– Это естественный блеск и оттенок, данный мне от природы, теон. Ай!

Арто исхитрился, удерживая меня за талию одной рукой и ведя в танце, второй ухватить и вытащить из прически аккуратно уложенный локон, за который и дернул.

– За три года так и не научились манерам! – яростно сверкнула на гимназиста глазами, из последних сил сдерживая досаду, потому что лицо его осветилось довольной усмешкой. Все-таки вывел меня из равновесия.

– А приходи вечером к ограде? – вдруг выдал Арто, вновь заставив меня задуматься на тему изощренных и очень странных способов. Конечно, я сразу ответила отказом.

– Не приду.

– Почему? – Такая настойчивость даже удивила, как и сам вопрос.

– Потому что вы, теон Орсель, отдавили мне ноги.

– До вечера пройдет, – не отпускал моего взгляда Арто, – я твою нежную ножку только краем ботинка задел. – И, крепче стиснув талию, приподнял меня над полом. – Так совсем не наступлю.

– А ну поставьте! – Я перепугалась, что учителя сейчас приметят вопиющее нарушение.

– А ты придешь?

– Нет.

– Почему?

– Дала обещание Венсану.

Немного приукрасить действительность порой полезно, особенно во имя собственного спасения.

⁵ Перфетки – лучшие ученицы, первые по всем предметам.

– Ему? – Резко охрипший голос и убийственный взгляд в сторону ловко кружащего другую партнершу Берта не сулили последнему ничего хорошего. Однако сосредоточив внимание на другом, Орсель хотя бы меня опустил на пол. – Не думаю, что он до сада дойдет. Значит, придешь?

– Не люблю, когда обижают других или пользуются чужими слабостями, – совершенно искренне ответила я.

– Пф, защитница! – громко фыркнул Арто. – А если не трону?

– Не приду.

– Я любой другой девчонке предложу, и она с радостью прибежит.

– Так предложи, – парировала я, а при последнем повороте ловко отклонилась в сторону и быстро сменила партнера.

Орсель проводил меня жадным взглядом и по невнимательности отдал следующей партнерше сразу обе ноги. Мне стало весело. Поймала себя на мысли, что прежде от подобных взглядов в душе все сжималось, а теперь на смену скованности и безотчетному страху пришла легкость и хотелось смеяться.

Глава 7

Магическая защита

Еще одним сдвоенным уроком предполагалось быть магической защите. Но, по слухам (Селеста выяснила у директора), Эсташ, прежде чем объединять оба потока и тренировать парней наряду с девушками, решил выяснить, стоит ли это делать.

– А еще, – жалобно произнесла неугомонная подруга, – теперь в преподавательскую башню просто так вечером не проберешься.

– Почему? – Куртка из тонкой кожи, которая шла в комплекте с кюлотами и рубашкой с коротким рукавом, повисла на вытянутых руках.

– А потому! – Селеста со злостью так туго затянула широкий пояс формы для тренировки, что охнула. – Потому как, – уже спокойнее продолжала она, ослабляя пряжку, – для консультации с преподавателями теперь должно иметься приглашение. Учитель ставит на запястье таймер с точным временем консультации, и именно в этот период следует явиться в башню. В любом другом случае не пустит защитный экран.

– Ах, вот оно как, – протянула я, подумав, что уж ради пирожков и наших с ним веселых бесед Олайош мне таймер поставит.

– Да, – вздохнула Селеста, – теперь к Эсташу не попасть.

Я только головой покачала. Навязчивая идея о любви к защитнику не выветрилась из головы подруги даже после «лечения» приворотным зельем. А у меня, напротив, желание не видеться с тен Лораном только крепло. Мысль, посетившая еще утром, теперь обретала все более четкие очертания. Как бы прогулять защиту? Так я выиграю целую неделю до следующей встречи. Тогда, глядишь, совсем забуду об этом треклятом поцелуе. Но как сбежать? Без веской причины это сделать невозможно. Если только пойти в лазарет и сказаться больной. Хотя у лазаретных взгляд заточен под таких прогульщиков. И магией на себя не воздействуешь, сразу раскроют.

Что делать?

Я шла задумчиво в конце вереницы девчонок, пока внимание не привлек веселый смех. Посмотрев на громко хохочущую Эстелу, не успела ухватить молнией мелькнувшую в мозгу неясную идею. Сосредоточила взгляд на нашей веселушке и постаралась сконцентрироваться. Красивая немного грузной, тяжеловесной красотой, с толстыми черными косами, хлещущими ее по спине, она и темпераментом отличалась, что называется, бешеным. Смех Эстелы был слышен во всех концах высокой лестницы, но именно он и натолкнул на дельную мысль.

– Эла! – Я быстро настигла девушку и пристроилась к ней с другого бока. Обычно в класс шагали парами, но оглушенная громовым хохотом соседка Эстелы не обратила на меня никакого внимания.

– А? – повернула голову гимназистка.

– У тебя веселин есть?

– А что? – прищурила один глаз девушка, едва сдерживая рвущийся наружу смех.

– Вижу, что есть. Поделись маленькой таблеточкой!

– Пф, – фыркнула тэа, видимо так охарактеризовав мое крайне редкое желание разжиться этим своеобразным препаратом. Вообще, его вывел кто-то из курса выпускников-гимназистов случайно, в ходе экспериментов по созданию совершенно иного средства. Однако изобретение прижилось в ученических рядах. Оно обладало интересным эффектом влиять на общее состояние организма. Проще говоря, усиливать ощущения, которые испытываешь в конкретный момент. Так, если вы чему-то радовались и решили продлить чувство счастья, ну, скажем, ради повышения общего тонуса, подпитки клеток мозга кислородом и остальных полезных

эффектов смехотерапии, достаточно было проглотить одну таблеточку. Действие было коротким, но многого и не требовалось.

– Бери! – сквозь смех проговорила Эстела и сунула мне в руку круглую синюю таблетку.

Мы уже подходили к павильону магической защиты, когда я быстро проглотила выданное средство, предварительно накачав его отрицательным зарядом, чтобы уж наверняка. Минуту спустя ощутила резко накатившую усталость, желание тут же свалиться на пол и лежать без движения, а еще лучше прямо сейчас вернуться в комнату и проспать до завтрашнего дня. Не отдохнувший накануне организм, подвергнутый воздействию таблетки, мигом вспомнил о своей усталости. Ноги до класса я доволокла с большим трудом, и стоило немалых усилий зайти внутрь и сконцентрировать рассеивающееся внимание на ассистенте преподавателя.

Как и надеялась, Эсташ еще не пришел, а вот его помощник уже суеился в классе, расставляя какие-то манекены и таская снаряды.

Ассистентов мы не величали гордым обращением арис. Помощника преподавателя можно было называть просто оресте, что означало «тот, кто помогает». И на это мнившие себя практически наравне с учителями ассистенты безмолвно обижались.

– Арис Юдас, – словно оговорившись, обратилась я.

– Тэа Эста, – приветствовал юноша, в недавнем прошлом такой же гимназист, преисполнившись чувства собственной важности.

– Прошу, отпустите меня в лазарет. Ариса Лорана еще нет, а я себя неважно чувствую.

Юдас взглянул на меня уже внимательнее, очевидно, отметил крайнюю бледность и мученическое выражение лица, мои поникшую от усталости голову, без сил упавшие руки и невероятную медлительность движений.

– Вы неважно выглядите, тэа Эста. Возьму на себя смелость отпустить вас вместо преподавателя.

– О! Спасибо!

Невозможно передать, какой искренней благодарностью я к нему преисполнилась в тот момент и только твердила про себя, что нужно поскорее бежать из класса, невзирая на усталость. Поскорее, поскорее, чтобы не столкнуться...

Вот незадача! Столкнулась.

– Арис Лоран, – присела в положенном поклоне, перед глазами потемнело, и меня повело в сторону.

– Тэа Эста! – Кто бы сомневался, что вежливый защитник тут же подхватит под руку.

– Арис Лоран... – Даже вопреки накатившей усталости, которой полагалось наделять меня тупым безразличием к окружающему, по руке, сжатой его пальцами выше локтя, побежали искорки. – Я шла в лазарет. Ваш помощник отпустил, поскольку я себя плохо чувствую.

– Позвольте, тэа, – коротко ответил на эту длинную и очень утомительную для меня тираду защитник и быстро вытащил в коридор, где занялся совершенно странным делом.

Он поднял мою голову за подбородок и сперва повернул влево, затем вправо, пристально взгляделся в глаза. На ладони его вспыхнул яркий магический светлячок.

– Что вы делаете? – сощурилась от слепящего огонька.

– Изучаю, как реагирует на свет ваш зрачок, тэа.

– Зачем? Вы как будто меня осматриваете, но вы же не врач.

Я все старалась избежать его отточенных, уверенных прикосновений, а он как-то неясно хмыкнул и отпустил.

– Вы в порядке, Мариона.

– Не в порядке. Вовсе не в порядке. Отпустите меня в лазарет.

– Нормальная реакция зрачка на свет – сужаться, тэа Эста. Расширенное состояние говорит о возбуждении, а поскольку у вас налицо упадок сил, то более вероятен прием некоего

возбуждающего препарата, сказавшегося на самочувствии. Могу предположить, что его влияние кратковременно, поскольку к концу осмотра зрачок сузился больше.

– Ничего я не принимала, – уперлась, действительно чувствуя, как действие таблетки постепенно сходит на нет.

– Могло попасть с пищей, в гимназии такое случается, – невозмутимо парировал тен Лоран, протягивая руку в сторону двери. – Прошу в класс.

– Не пойду! – Ни с каким другим преподавателем я бы не позволила себе так упорствовать и вести себя без должного почтения, но в присутствии Эсташа все во мне переворачивалось. Я даже грубила ему с огромным удовольствием. И еще бы разок толкнула за эту невозмутимую физиономию. Почему он и на грубость не реагирует, как любой нормальный человек? – Не пойду, – повторила, чуть не притопнув ногой от досады. – Мне плохо, а вы не пускаете в лазарет. Мне нужен осмотр специалиста и лекарство.

– Вас нужно освободить от последствий воздействия лекарства, тэа, но процедура неприятная, рекомендую просто подождать.

Я уперла руки в боки и с вызовом посмотрела защитнику в глаза. И кто бы мне объяснил, почему спокойно-равнодушный взгляд в ответ на все мои провокации, на это детское, но такое вызывающее непослушание, на обман, в конце концов, вызвал затаенную боль. Он слишком взрослый и слишком воспитанный, чтобы выйти из себя, чтобы даже просто сказать: «За вашу ложь вы будете наказаны». Так все учителя говорят, даже самые сдержанные и стойкие, даже самые вежливые. А от преподавательницы хороших манер фразу о наказаниях я слышу через урок. И в таких случаях сразу ясно, что человека проняло, зацепило. Почему же он не как все?

На долгий контакт глаза в глаза не хватало моральных сил. Этот его прямой взгляд обладал непостижимо мощным воздействием, и я не смогла выдержать, отвернулась первой.

– Урок начался, тэа, – негромко заметил Эсташ, когда по коридорам пролетел мелодичный звон колокольчика. – Заходите.

А если рвануть сейчас в сторону и помчаться к лестнице и дальше по ступенькам, он ведь все равно поймает? Пусть руки его сейчас опущены, обманчиво расслаблены, однако точно знаю, что вернуть меня обратно не будет стоить защитнику никаких усилий. Но как же стыдно станет мне потом за столь нелепую выходку. А еще хуже, если не сделает попытки остановить.

Не передать, с каким разочарованием и стыдом я входила обратно в зал. Девушки были заняты веселой возней, а ассистент пытался призвать их к порядку и построить. Но когда вошел тен Лоран, все мгновенно успокоилось. Произнесенные тихим голосом слова, обращенные ко мне, наверное, услышал каждый. Была у тен Лорана такая особенность – четко проговаривать фразы. Даже нашего директора, который обычно говорил громко, но имел привычку глотать окончания и торопливо излагать свои мысли, понять бывало сложнее.

– Присядьте на скамью, тэа Эста. Приступите к занятиям, когда почувствуете себя лучше. – А сам направился в центр зала, на ходу натягивая перчатки, дополнявшие тренировочный костюм преподавателя.

– Маришка, – тихонько окликнула Селеста, когда остальные девочки потянулись послушной стайкой за защитником, – что с тобой?

– Плохо стало, слабость накатила, – пробурчала в ответ, – а он в лазарет не пустил. Сам посмотрел. Хотя откуда ему знать, больна я или нет?

– Слушай, а может, он родственник?

– Чей?

– Ну, одного военного врача. Известный такой, тоже фамилия Лоран. Мне дядя о нем рассказывал. Он общался с самим командиром Этьеном, а тот упомянул, сколько его гвардейцев с того света вытащил некий Лоран.

– Как это связано?

– Ну так. Вспомни нашу ассистентку на магическом плетении, она тоже любит притворяться светочем науки, а сама просто нахваталась по верхам за время общения с плетуньей. Теперь мнит себя экспертом.

– Не знаю, – вздохнула я.

– Нет, сам он быть врачом не может. Это сколько лет нужно учиться, потом работать, чтобы получить звание лекаря, да еще военного. Без долгой практики не дадут. А он-то учитель. Я, кстати, вообще раньше не слышала, чтобы представители высшей аристократии где-то работали.

– Сеша, – прервала я рассуждения подруги, – ты иди на тренировку, а я еще чуть-чуть посижу.

Урок начался с краткого опроса на тему защитных и ограждающих заклинаний. Теорию многие из нас знали средненько, старый профессор защитной магии так невнятно объяснял, хотя, бесспорно, превосходно знал тему, что мы частенько дремали во время занятий. Спрашивал он на экзаменах все по делу, но списать у него не представляло труда. Еще был туговат на ухо, и порой достаточно было уверенно городить какую-то ерунду, обильно сдабривая ее громкими словосочетаниями «магическая защита». Старичок добродушно кивал и улыбался нам, но знаний это не прибавляло. Неудивительно, что к третьему курсу – началу практики – заслуженного профессора (ответственного лишь за преподавание в женском крыле, в мужском требования были гораздо строже) отправили на покой.

Однако откуда взялась в девчонках эта прыть сейчас? Они так охотно отвечали, чуть не перебивая друг друга и стремясь произвести впечатление на тен Лорана, будто подготовились заранее. А вдруг и правда готовились? Знали, о чем будет урок? Я вот припомнить не могла этих самых заклинаний. Они шли вскользь, поскольку нам, девушкам, максимум, что требовалось, – это владение простейшими заклинаниями самообороны. Наверное, гимназистки выяснили все у ассистента до прихода учителя.

Я смотрела хмуро, исподлобья и не слишком задумывалась, что именно разглядываю, пока не поймала себя на внимательном изучении защитного костюма Эсташа. Внимание концентрировалось вовсе не на защитных функциях, а на том, как удачно тот сидит по фигуре. Куртка из тонкой и мягкой кожи подчеркивала широкие плечи, не скрывая обтянутый черной тканью мускулистый торс, пояс был туго затянут на узкой талии, а брюки из эластичной материи отлично обрисовывали мышцы тренированных ног. И это все я спокойно себе разглядывала, пока меня не отрезвила нелепая мысль: как идет ему этот наряд, едва ли не больше, чем традиционная учительская форма.

Я разозлилась. Сильно. Подскочила с лавки и пошла к строю девчонок, заняв свое место с краю. Эсташ бросил на меня лишь короткий взгляд, видимо, удостоверился, что твердо стою на ногах, и задал последний вопрос, на который ответила сияющая от собственной сообразительности Селеста. Тен Лоран даже похвалил подругу, отчего та засияла еще ярче.

– А теперь приступим к тренировке, – заявил он. – Ваша задача повторить изученное в теории заклинание вслух и сотворить соответствующий символ. Он оградит вас от магического вмешательства.

Наша староста Аделаида де Ланто подняла руку, а когда Эсташ кивнул, задала вопрос:

– Арис Лоран, а воздействовать будете вы?

– Нет, тэа, – улыбнулся Эсташ, – воздействовать будете вы.

И даже улыбка у него необычная, обаятельная, но очень сдержанная, она трогала лишь уголки губ.

Когда девчонки начали удивленно переглядываться, пытаясь припомнить, какое заклинание воздействия они сумеют воссоздать на практике, защитник добавил:

– Я сотворю изначальное, зеркальное заклинание. Оно подстегнет ту магию, что вы творили в недавнем прошлом. От нее и придется поставить защиту.

Сосредоточившись, я попыталась вспомнить, что знаю о зеркальных заклинаниях. И сообразила, что именно на этот вопрос отвечала в последний раз на экзамене нашему старичку. Списала ответ со шпаргалки, но повторяла несколько раз и даже умудрилась заучить, ответив без запинки.

Суть его заключалась в проекции магического воздействия, оно подхватывало эхо той магии, что в последний раз творил человек, но не обыденной, бытовой, вроде плетения волос в косу, не требовавшей больших энергетических затрат, а наиболее сильной, такой, как, скажем...

Зажала рот ладонью, чтобы вслух не воскликнуть: «Приворот!»

Ой-ой, кому-то сейчас станет плохо. Половине класса!

Никакого наказания и никакой мелочной мести, тэа. Вам просто вернется все, что сотворили сами, но гораздо более гуманным способом. Отражение ведь несло магический заряд слабее первоначального.

Ух ты! Не восхититься задумкой я не могла, потому как сама прибегла к похожему методу с Селестой, но в более жесткой форме. М-да, а как еще учить ветреных девиц? В таком виде они крепко запомнят урок, а заклинание будет от зубов отскакивать. Я уже предвидела это, наблюдая побледневшие лица тех, кто еще что-то помнил про зеркалки. Сейчас все как натренируются, будут ставить оградительные щиты на раз. Как же придумано! Но я бы их сильнее наказала за то, что подсунули ничего не подозревавшему преподавателю такую гадость. Хотя...

Мне сразу вспомнилась встреча на мосту, и что тен Лоран оказался там, избегая встречи с полчищем девиц. Ведь предвидел массовое паломничество, а потому выбрал другую дорогу. Разве он не мог догадаться или хотя бы распознать зелье в первом блюде? Даже если моя соль отбила все вкусовые рецепторы, то пирог Селесты он ел до рагу.

Ой. Я не подливала ничего, но переборщила с солью. И ожидавшее прилюдное порицание, там, на глазах учителей, было страшнее, чем есть пересоленный обед в последующие три дня. Я тогда даже решила просить помощи Аллара. А вот девчонок ожидало более суровое наказание. Их могли поставить в столовой на глазах остальных гимназистов, и каждый бы знал, что вот они подлили преподавателю приворотное зелье. Я только представила себя на их месте в такой момент, смех остальных учеников, как тычут пальцами со всех сторон, издевки... Это сурово, это даже жестоко, пусть и отбивает навсегда охоту к подобным делам.

Он просто не стал их выдавать и потому от блюд не отказался. Он их тогда пожалел, как и меня, но на своем уроке жалеть никого не собирался.

– Тэа Эста.

– Да?

Опять пропустила все объяснения!

– Вы не повторили символ.

А он уже показал символ? Ладно, посмотрю у Селесты.

– Я запомнила...

Эсташ скрестил руки на груди и коротко произнес:

– Тэа, защита.

Развел ладони в стороны, создавая одну ровную блестящую поверхность, гладкую, как зеркало, и толкнул в нашу сторону.

Она надвигалась стремительно, и я, как и остальные, выставила руки, попыталась повторить вслед за девушками символ, но совсем позабыла, что следовало еще шептать при этом заклинание, которого я не знала и тоже прослушала.

Стена прошла сквозь меня, по сторонам раздались сдавленные крики, возгласы, стоны, а у меня опять потемнело в глазах и слабость навалилась с удвоенной силой. Растяпа! Пока

рассуждала о девчонках, позабыла и о собственном обмане, когда сказалась больной. Ведь я хорошо так выложились, заряжая злосчастную таблетку отрицательной энергией, чтобы по сути возбуждающее средство спровоцировало упадок сил.

Как стояла на ногах, так и села на пол, трянула головой, чтобы прояснилась. Уронила ее, совсем отяжелевшую, на подтянутые к груди колени и стала смотреть, как Эсташ с ассистентом подходят то к одной дрожащей девушке, то к другой, помогают правильно создать защитное заклинание.

– Тэа Эста! – Меня подняли с пола за плечи, обхватили мои пальцы, накрыв их затянутыми в черные перчатки руками, напомнили: – Заклинание.

Он говорил, я повторяла. Эсташ рисовал моими руками символ. Вокруг сгустился воздух, формируясь в нечто, призванное меня защитить, а я все смотрела на его перчатки и думала, что, конечно, преподавателям не полагается прикасаться к юным тэа без этого кожаного аксессуара, а ученицам непозволительно прижиматься спиной к учителю во время объяснений, пусть даже в ногах она ощущает дикую слабость.

– Отточите движение, произносите четче слова, – сказал Эсташ, как только странный по форме, неравномерной толщины и высоты щит растянулся вокруг, заставив меня ощутить себя намного бодрее.

Учитель отошел, ни словом не упомянув о разыгранном до урока представлении. Я осталась стоять, пытаюсь вспомнить те самые слова, которые следовало произносить четче.

Эх, Мариона... Концентрация и внимание не грозят тебе во время уроков магической защиты. Боюсь, что здесь, даже приложив усилия, я вряд ли буду блистать успехами.

Глава 8

Царимские купальни

А вечером я сбежала в сад. Все потому, что любимая подруга заговорила меня до умопомрачения, и единственной темой разговоров, конечно, был Эсташ тен Лоран.

Она восторгалась тем, как в его присутствии у нее все начинало получаться (у меня в это время все определенно валилось из рук), как она ощущала крылья за спиной (ну а я предположила бы затеряться в толпе учениц). Она говорила, что все его объяснения схватывает на лету (молчу о том, что половина фраз защитника не доходила до моего сознания), и повторяла, как будет учиться со всем старанием, чем восхитит его еще больше (после этих словоизлияний я проглотила признание, что собиралась прогулять урок).

В своей прочувствованной речи подруга не избежала упоминания других учениц нашей группы, которым довелось испытать весь яркий спектр эмоций, прежде чем защита отгородила их от зеркального заклинания. Эти мучения были Селесте близки и понятны, а потому как она могла не радоваться, что кто-то разделил с ней страдания от неудавшегося приворота! Ведь тогда самой становилось легче и менее стыдно.

В длинный и восторженный монолог я успела только раз вставить вопрос о том, как же подруга подмешала зелье в еду, если никто не знал о зачете.

– Я смешивала необходимые составляющие под столом, – ответила Селеста, – только на этом уроке мы свободно достаем ингредиенты из кладовой. Подобного шанса могло больше не представиться, а рецепт простенького приворота, действием до суток, каждая вторая гимназистка помнит. Пока пирог выпекался, я все сделала, а когда Комфи с ассистентом вышли за праздничными блюдами и крышками, довела зелье до кипения на магическом огне. Подумаешь, варю какой-то дополнительный соус! Кроме Комфи, никто не мог догадаться. Вообще-то хотела впрок заготовить, но донна упомянула преподавателей. Я тогда так обрадовалась, что даже размышлять не стала. Быстро добавила в кусочек, что приберегла для Эсташа, пока шанс был.

– Ловко вы, – восхитилась я скорости и сноровке девушек, сообразивших воспользоваться уроком готовки для варки приворотного зелья.

– Ну как не мечтать об этом мужчине, он же идеальный! Ты заметила, что перед отработкой заклинания ассистент нас расставил в строгом порядке? Я обратила внимание на едва видимые круги, в которых очутилась каждая. Это защитный контур. О таких дядя рассказывал, потому и узнала. Эсташ нас подстраховал на всякий случай, чтобы заклинание не нанесло вреда. Эх, Мариша! Я возлагала такие надежды на нашу с ним встречу. Думала, как только он поцелует, сразу поймет, что я – его судьба, и предложит выйти замуж.

Святая простота! Видимо, не одна Селеста так думала. Я покачала головой и сбежала в сад, чтобы не слышать дальнейших восхищенных речей в адрес защитника.

Пока гуляла по дорожкам, не переставала удивляться наивности некоторых гимназисток и их неосведомленности. Конечно, принцип воспитания в нашем обществе был таков, что люди, относящиеся к верхушке и имеющие возможность отдать дочерей в элитные аристократические заведения, не спешили просвещать девушек относительно некоторых вещей до свадьбы. То есть что там следует за поцелуем? Определенно, любовь до конца дней, а еще дети, дети тоже от поцелуев.

У меня вышло немного иначе. После происшествия с богатым стариком, когда отец вернулся домой, а меня продолжало трясти в холодном ознобе, мама всю ночь провела у постели. Наутро она очень серьезно со мной поговорила, как со взрослой. Объяснила, отчего с самого начала отец не желал пускать меня в тот дом, а заодно приоткрыла завесу над такой важной тайной, как отношения мужчины и женщины – конечно, те, что бывают обычно после свадьбы.

Она смущалась, старалась подбирать выражения, но и услышанного вполне хватило, чтобы оставить глубокое впечатление. Да еще синяки на руках и теле продолжали ныть несколько дней, закрепив результат.

В нашей гимназии порядки были аристократические. То есть полное разделение на два крыла – мужское и женское. Воспитательных бесед и уроков на запретную тему, естественно, тоже не вели. В модных журналах и газетах для светских девушек подобные вопросы затрагивались столь деликатно, что самой необходимо было обладать очень буйной фантазией, дабы догадаться.

Но это касалось девушек. Юноши, как более просвещенные, протоптали тропинки в разных концах огромного сада, также разделенного на две половины, в местах, где можно было выходить к ограде. Перелезть не позволяли мощные заклипания, но между узкими прутьями легко протискивалась тонкая девичья ручка, а если исхитриться, можно было сорвать с милых губок и поцелуй. Я на подобных свиданиях не оказывалась ни разу. Приглашали, но не ходила. Да и сегодня не собиралась. Задумавшись, брела по дорожке, пока самодовольный мужской голос не произнес:

– Так и знал, что ты придешь.

Подняв голову, увидела по ту сторону ограды Арто. Парень стоял, широко расставив ноги, запустив большие пальцы за широкий кожаный пояс, и разглядывал меня с нескрываемым удовольствием. Я отметила легкую рубашку из шамбре, обтянувшую мощные плечи, брюки без единой складочки, облегавшие мускулистые ноги. Да, на меня явно хотели произвести впечатление. И будучи воспитанной девушкой, я, конечно, впечатлилась.

– Ах, теон Орсель, что за чарующий вид! Какая неброская, почти незаметная элегантность в одежде, какая показная небрежность.

Арто даже на секунду не скис, только выше вздернул голову.

– Дыхание не сбилось, пока торопилась увидеть меня?

Нет, этому типу что ни скажи, все будет звучать признанием: «Я вас желаю, теон Орсель, сломайте наконец эту решетку». И зачем только подбирать выражения и тонко иронизировать, как учили на наших уроках? Преподавательница хороших манер так и говорила: «Аристократ может оскорбить, но сделает это с неизменной вежливостью». – Однако Арто даже толстые намеки не пробивали.

– И не думала торопиться, я просто шла мимо.

– Но не прошла.

– Ты сам остановил!

Орсель владел умением выводить меня из себя. Даже не знаю, кому еще это удавалось после трех лет суровой дисциплины. Хм, разве только тен Лорану, который вообще никаких усилий не прикладывал.

– Мои родители пришлют твоим приглашение на праздник. Уютный вечер в кругу семьи. Вечер? В кругу семьи? Семьи сенатора?

– У сенатора Орсея какие-то дела с моим отцом?

– Насчет закупки вашего металла.

Арто наконец изменил свою вальяжную позу и приблизился к решетке. Взялся одной рукой за прутья, а второй поманил к себе.

– Открыть одну тайну, Эста?

Обычно Арто ни о каких тайнах не распространялся. Держать язык за зубами он умел, поэтому его сложно было назвать болтливым, разве только самодовольным. Отец прочил его в будущем на свое место, оттого и учил сына строго и требовал с него немало. Может, поэтому Орсель был лучшим. Но о какой тайне шла речь? И почему она касалась моей семьи? Прежде столь высокие люди предпочитали вести с нами дела через поверенных, а не напрямую.

Я сделала крошечный шаг в сторону решетки, но Арто не спешил хватать за руку и подтягивать меня вплотную, просто терпеливо ждал, пока досеменю до него микроскопическими шагами. А я не торопилась, проверяя его на прочность. Если задумал пакость, точно не выдержит моих маневров, а если правда хочет сказать о чем-то важном, дождется. Невидимой сеткой ему меня не поймать и стену из воздуха не выстроить. Никто так не может, за исключением – как оказалось – защитников.

Арто дождался. Я подошла и встала на цыпочки, а он склонился ближе к моему уху и прошептал:

– Речь пойдет о закупке металла для нового оружия.

– Что? – Я потянулась еще выше, потому как он, словно нарочно, чуть отклонился. – Разве мы с кем-то воюем?

Арто качнул головой:

– Создаем совершенных воинов.

– Как? – Теперь стала ясна суть тайны, но мне сложно оказалось поверить собственным ушам. – Кто-то может быть совершеннее защитников?

– Защитники! – Он хмыкнул и вдруг куснул меня за мочку доверчиво подставленного уха, отчего я дернулась и отпрянула от решетки. Вот она, та изощренная форма обращения, к которой Орсель стал прибегать в последнее время. Арто выглядел чрезмерно довольным. Оглядел меня с усмешкой и заявил:

– Моя награда за тайну, – и пошел, насвистывая, обратно по дорожке.

Необыкновенный наглец! И ведь всегда исхитрится подловить.

Таковыми мыслями была занята моя голова, пока я брела дальше, успокаиваясь от мирной тишины просторного зеленого сада. В итоге незаметно добралась до самого конца ограды, где территория парка резко обрывалась вниз. То есть вы шли себе по дорожке, а потом оказывались на краю горного плато. Там дальше виднелись огромные и неприступные горы, а здесь никто не рисковал подходить к обрыву слишком близко. Конечно, стояла защита, и сигануть вниз, как и перелезть забор, было невозможно, однако даже зная это, я тоже замерла на некотором расстоянии, любясь внушительным и впечатляющим видом.

Не зря тут было выбрано место для постройки сторожевых башен Царима, а именно так прежде называли нашу гимназию. Здесь, в пограничье, где четвертая сторона света представляла собой упиравшиеся в само небо остроконечные горные пики, и обитали когда-то защитники. И здесь же почти все они погибли, когда единственный раз за всю историю едва не пали охранные башни. Многие рода тогда перестали существовать, оборвавшись со смертью наследников, в других из десятка сильных воинов осталось по одному или по двое.

Я вздохнула, вспоминая притчу о том, отчего стены башен красного цвета, но вдруг услышала шорох шагов и быстро повернулась к решетке.

– Ах, тэа Эста. Я боялся, что вы уже ушли.

– Теон Венсан!

– О, я невыразимо счастлив, что вы приняли мое приглашение, дорогая Мариона. Позволите ли теперь и вовсе избегать столь холодного обращения, как тэа Эста?

Потрясающе! То есть сбегаю от Селесты и ее восторгов относительно защитника, я попала сразу на два свидания?

– Как же вы отыскиали меня здесь, теон, в самом конце сада?

– Грустил о несостоявшейся встрече, и порыв печали донес меня на своих крыльях сюда, в удаленный уголок, где столь живописен вид на горы, ущелья и долину. Стоит шагнуть вниз...

– И вы врежетесь в защитный полог, теон Венсан.

– Раз вы позволили звать вас по имени, дорогая Мариона, прошу, и меня зовите просто Берг.

Когда успела ему позволить? Ведь нарочно перевела тему. Ощущение, словно в гимназии я одна помнила наставления учителей. Одного не прошибала тонкая ирония, на другого не действовали изящные способы избегать щекотливых вопросов. Чему их здесь учат, спрашивается?

– Вы не поверите, но когда вечером хотел выйти из комнаты, она оказалась заперта снаружи. Я стучал и пытался выбить ее, – при этих словах Берт с досадой потер плечо, – но ничего не помогало. На мое счастье, минут через пятнадцать этих нечеловеческих усилий звуки борьбы с самой судьбой долетели до проходившего мимо эконома. Он открыл дверь и объяснил, что по ту сторону оказался, вы не поверите, обычный стул.

– Ах, правда?

– Я заставил вас ждать, прелестная Мариона. А ведь на самом деле так спешил на эту встречу. Верил, что вы придете. И даже приготовил для вас...

– Стихи?

– О нет, восхваления в прозе обольстительной деве. Но если вы разочарованы и вас не прельщает проза, то готов сейчас же сочинить! Ведь когда вижу ваше прелестное лицо, я испытываю необыкновенное вдохновение. Услышите же!

Он откашлялся:

Меня манит
Персей высота,
Румянец ланит...

– Теон Венсан! Кхм... Я правда уже собиралась уходить. Мне очень нужно выполнить одно задание, а еще обещала помочь подруге. Не могу нарушить обещание. Прошу простить.

– Что вы, сладчайшая муза, извините за столь досадную проделку судьбы. Идемте же, я вас провожу и прочту свою прозу.

– Это невозможно, в некоторых местах к ограде совсем не подойти. Давайте вы прочитаете в другой раз. Хорошего вам вечера.

– О, этот вечер самый счастливый, ведь я увидел вас и имел счастье говорить...

Последние слова донеслись уже в спину, когда, с большим трудом сдерживаясь, чтобы не превysить приличествующей девушке скорости, я скрывалась с места свидания.

Наконец лето пришло и в пограничье. Климат здесь всегда отличался резкими переходами от холодов к жаре и наоборот. Ночи вдруг стали душными, знойными, когда ужасно хотелось окунуться в прохладный водоем. Вместо плотного форменного платья накинуть легкий летний наряд и отправиться в лодке по реке или в купальной рубашке прыгнуть с широких мостков прямо в воду. Конечно, подобным образом я могла поступить только дома, а здесь, в гимназии, это явилось бы нарушением приличий. Однако от жары страдали не только ученики, преподавателям тоже приходилось туго, и поэтому у подножия башен уже несколько лет назад устроили отдельные купальни, подведя в искусственные пруды воду из озера через систему каналов.

Купаться нам позволялось исключительно с одобрения директора, и всегда учеников сопровождали преподаватели. С девушками для защиты посылали одного из учителей-мужчин и обязательно инспектрису, которая следила за купающимися гимназистками, а заодно за их провожатым.

С наступлением выходных все разговоры вертелись лишь вокруг предстоящего купания. Очень часто в роли мужчины-сопровождающего выступал мой замечательный Аллар, все же учитель был в годах, более того, специалист по начертанию защитных символов. Но в этот раз одноклассницы задумали величайшую подставу. То есть буквально перед тем, как все собра-

лись отправиться в купальни, выяснилось, что Олайош отчего-то не может нас сопровождать. Причина не разглашалась, но, видя оживленные лица девчонок, я не усомнилась, что была предпринята коварная диверсия, и обеспокоилась, а не потравили ли коварные бестии моего любимого преподавателя.

– Девушки! – Зычный голос Селесты мигом привлек к себе внимание. Подруга мчалась со всех ног от входа в башни, размахивая белым листочком.

– Тэа Шэрнест! – тут же прикрикнула на нее инспектриса, и Селеста мигом перешла на шаг, величественно выпрямив спину и подняв голову.

Ее исполненная изящества походка вызвала одобрение только у нашей начальницы, а вот гимназистки уже ногти кусали от нетерпения.

– Дона, – присела в поклоне подруга и протянула инспектрисе распоряжение.

– О! – Брови преподавательницы взлетели выше, когда она поправила на носу очки и вчиталась в белый листок. – Итак, для сопровождения директор назначил нам ариса Лорана.

Вздых – синхронный, мечтательный и исполненный настоящей священной радости, заставил инспектрису нахмурить брови и бросить коротко:

– Девушки, держите себя в руках.

При этом сама преподавательница быстро пригладила прическу, оправила кружевные оборки на рукавах и вороте платья и еще ровнее стала держать спину. Гимназистки тоже приосанились и полным надежды взглядом сверлили площадку у подножия башни, куда вот-вот должен был выйти наш сопровождающий. С досады я отвернулась и устремила взгляд в сторону купален.

Ну что за напасть! Когда ажиотаж вокруг защитника пойдет на убыль?

– Маришка, держи. – Пока я разглядывала далекие дали, подошла Селеста и сунула мне в руки какой-то сверток.

– Это еще что?

– Рубашка для купания.

Я в удивлении покрутила сверток, недоумевая, как подруга вытащила казенные рубашки из общего шкафа в купальне и зачем это сделала.

– Девчонки решили, что играть будем честно.

– Играть?

– Многим нравится тен Лоран, – стала просвещать меня Селеста, – мы пришли к выводу, что соперничество должно идти по правилам, раз уж нам в голову приходят одинаковые идеи, пусть и шансы будут равны.

– Что за идея пришла вам на этот раз?

Покрутив сверток, сунула его за спину, когда инспектриса окинула гимназисток еще одним строгим взглядом, для острастки. Я интуитивно чувствовала, что выданная Селестой рубашка с подвохом.

– Мы все оденемся одинаково, как обычно, но это не казенные купашки, – понизив голос до шепота, раскрыла тайну подруга.

Купашками назывались у нас купальные рубашки. Они хоть и доходили до середины бедра, однако производились на основе особой жесткой материи, почти непромокаемой, которая ровно сидела на теле, скрадывая очертания девичьих фигур.

– Эти сшиты из простой белой ткани с плотной атласной подкладкой. Представь, когда мы искупаемся, как будем выглядеть!

Н-да, тонкая ткань, льнущая к телу, которая очерчивает изгибы и округлости девичьих фигур, подтянутых, стройных, доведенных тренировками и умеренным питанием до той самой нормы, что позволяет после окончания гимназии удачно выскочить замуж. Прими позу пособлазнительнее, почти не переходя грань приличий, запрокинь мечтательно головку с тяжелым узлом волос на затылке, словно думаешь об ином, невероятно возвышенном, брось рассеянный

взгляд в сторону выбранного объекта, подними выше руки, поправь легонько прядки, что пристали к тонкой лебединой шее, – и все. Мужской взор зацепится за ладную фигурку в намокшей рубашке, а после не сможет оторваться.

– Кошмар, – буркнула я, – решили соблазнить защитника всем скопом?

– Это шанс для него присмотреться. Ну и надоела всем казенщина, в ней неудобно плавать. Прошлый век! Пора в гимназии чуть-чуть сменить порядки, слишком все строго.

– Здесь несколько веков так заведено.

– А я с директором разговаривала по этому поводу, он, кстати, тоже задумывался о некоторых реформах.

– Боюсь, принимать решения о переменах не нам, а тем, кто за это ответственен. Инспектриса точно будет недовольна.

– Заранее она ничего не узнает. Внешне эти купашки похожи на старые. Ой, *он* идет!

«Он» прозвучало столь благоговейно, что сразу было понятно, чье появление ознаменовал сей возглас. Тен Лоран вышел на площадку у башни, а девчонки рванули к преподавателю, чтобы поприветствовать.

– Девушки, – только и успела ахнуть инспектриса, но ее уже не слышали. Куда там было распознать строгие нотки в голосе нашей ответственной за купание начальницы, если десятки голосов, перебивая друг друга, ворковали защитнику слова приветствия, признания и практически обожания.

– Вы согласились нас сопровождать!

– Как это чудесно!

– Очень мило с вашей стороны.

– Вы же будете следить, чтобы никто не утонул?

– Не все девушки хорошо плавают.

– А если к воде вдруг выползет змея?

– А если парни вздумают пробраться в купальню, чтобы подшутить над нами? Вы активируете защитный купол?

– А вы умеете ставить защитный купол в одиночку? Неужели вы настолько сильны?

– Мальчишки никогда не упустят шанса подкинуть что-нибудь мерзкое в раздевалку, а потом смеются, когда мы визжим.

– А вы умеете плавать?

Не знаю, как у Эсташа не лопнули барабанные перепонки, но выдержка ему не изменила. Он умудрялся отвечать на вопросы девушек в своей спокойной манере, только расслышать за гомоном его слова практически не удавалось.

– Дона, – подошла я к разгневанной инспектрисе, которая набирала в грудь побольше воздуха, чтобы крикнуть традиционное «по парам!» и согнать разбушевавшихся гимназисток в ровную шеренгу.

– Да, тэа! – Глаза женщины гневно сверкали, ноздри раздувались, она не отводила взгляда от хрупкого неприятеля, взявшего защитника в плотное кольцо.

– Я бы желала пропустить сегодняшнее купание.

– Как хотите, Мариона, ступайте в таком случае в башню. – Она даже не стала выяснять, почему я не пойду к прудам, а вместо этого громко крикнула: – Девушки!

Я поспешно отступила от инспектрисы, которой пока не удалось привлечь внимание гимназисток, и поспешила уйти с площадки и укрыться за стеной башни.

– Тэа, тэа! – Громкий окрик наконец приковал внимание девиц. – Немедленно стройтесь по парам, иначе я отменю сегодняшнее купание!

Угроза подействовала. Гомон стих, и девушки поспешили выстроиться ровной линеечкой, взяв друг друга под руку.

Осторожно выглядывая из-за угла башни, я видела, как озиралась Селеста в поисках меня, а не найдя, робко встала в конец строя поближе к замыкавшему шествие защитнику и зарделась от радостного смущения, что-то ему пробормотав.

Не беда. Объяснюсь с подругой потом. Она вряд ли выскажет недовольство и даже злиться на меня не станет. Ведь я помогла ей провести несколько счастливых минут вблизи ненаглядного Эсташа. И говорила же Сеше, что подобные затеи выглядят глупо. А уж участвовать в подобном маскараде! Увольте. Просто дурдом и всеобщее помешательство. Вдобавок испортили мне предвкушение от предстоящего купания. Вместо него начнут сейчас красоваться перед защитником – у кого мокрая рубашка ближе к телу льнет. Можно подумать, Эсташ будет сидеть и вовсю пялиться на купающихся девиц. Ну что за ветер у них в головах? Каких еще советов для девушек на выданье они начитались? Одна предложит, другие подхватят.

Прижавшись спиной к стене башни, загрустила о том, что совсем бы не хотела отменять столь долгожданного купания. Я тоже устала от духоты, которая даже ночью царила в нашей комнате, и раскрытое окно почти не спасало. В просторных классах было ненамного прохладнее, ведь если лето вступало в свои права, солнце палило нещадно.

– Ух, – отерев со лба пот и взглянув на раскаленный желтый диск над головой, который припекал вовсю, задавшись целью меня расплавить, я решилась на маленькую авантюру. Напрасно разве владела редкой книгой о гимназии?

Разделяй хоть одна из девушек, да даже Селеста, мою страсть к древним памятникам архитектуры, я бы не удержалась посвятить ее в тайну, но они все больше интересовались журналами для юных девиц. Впрочем, не имея я своей драгоценности, описывающей башни Царима, прочитав уже бесчисленное количество рукописей о старых постройках, могла бы и сама предположить наличие обходных путей к купальням. Однако я знала наверняка и могла описать точный маршрут. Другое дело, раньше не приходилось прибегать к подобным мерам и нарушать правила.

Стоило мне только прикрыть глаза и представить три связанных между собой пруда с пышной растительностью по берегам, с красивыми кувшинками в тихих заводях и прохладными, бьющими из-под земли ключами, как точно наяву ощутила на лице хрустальные брызги. Вообразила, что ныряю до самого дна и срываю гибкий побег, а после, дурачась, обрываю его до нужной длины и вплетаю кувшинку в мокрые волосы. Как же хорошо сейчас в купальнях!

И я решилась.

Глава 9

Опасные растения

Девчоночьи голоса долетали до моего укромного местечка издалека. Все гимназистки сейчас плескались в первом и самом обширном из трех связанных между собой водоемов. Я представила, как кто-то сидит на выложенном разноцветными камнями краю, болтает ногами, поднимая брызги и окатывая смеющихся подруг. Кто-то осторожно спускается по мраморным ступенькам схода, трогая пальчиками воду, или нежится на каменных лежаках вблизи берега, погруженных в озеро лишь на небольшую глубину, а ласковое солнышко пригревает сквозь прозрачную толщу воды. Самые смелые обычно ныряли с мостков, хотя вряд ли решились в этот раз. Ведь их цель – демонстрировать красоту и изящество в компании ариса Лорана. Куда там сигануть в прыжке с деревянных досок и, поджав колени, уйти с головой под воду, подняв высокую волну.

Как хорошо, что меня не сковывало ничье присутствие. Маленький закуток с чистой водой третьего по счету и самого заросшего пруда скрывался со стороны схода зарослями камыша. Я блаженно вытянулась в воде, захватив ногой длинный стебель кувшинки, и болтала его так, чтобы цветок то нырял под воду, то пробкой выскакивал на поверхность. Купание оправдало все ожидания. Я даже позволила себе проплыть немного вперед и чуть выглянуть из-за камышей, наслаждаясь переходами от теплой воды к холодной, там, где со дна били чистые ключи. Тень от кустарников не позволяла солнцу припекать голову, а тихое шуршание листы на ветру действовало умиротворяюще. Слабые волны, поднятые моими плесканиями, слегка колебали подол короткой рубашки, то раздувая, то прилепляя ее к ногам. Да, эта ткань действительно не стояла колом, а приятно льнула к телу и не сковывала движений.

В этот миг до меня долетел недовольный возглас:

– Тэа!

Судя по голосу, кричала инспектриса. Я хмыкнула, еле сдерживая смех. Заметила! И что же она предпримет? Прикрыв глаза, представила, как переодевшаяся в строгую казенную купашку инспектриса выходит на мраморные ступеньки купальни и замечает всех этих соблазнительниц в ставших чересчур откровенными купальных нарядах. Она начинает требовать, чтобы девушки немедленно выходили из воды, а те пытаются протестовать, говоря, что им сегодня разрешили искупаться. Эсташ конечно же и бровью не поведет. Его цель присматривать и в случае чего защищать, а не следить за нравственностью предприимчивых созданий. Для того существует инспектриса.

Я снова блаженно вздохнула.

– Ах, хорошо... – но тут же слегка нахмурила брови. – А если рассерженная дона погонит их сейчас в башню, я тоже должна буду вернуться. Желательно раньше остальных.

Значит, придется заканчивать с купанием.

С грустью я перевернулась на живот, выпустила из рук ветку склонившегося к воде дерева, которая выполняла для меня роль ложа, и поплыла к берегу. Все же мне повезло освежиться.

Выйдя на маленький участок с примятой травой, я слегка отжала подол рубашки и собиралась уже стянуть ее через голову, чтобы надеть сухую одежду, как услышала шипение.

Правда, что ли, змея?! Я тревожно оглянулась по сторонам, опасаясь не самой змеи, а боясь случайно наступить на нее. Обычно они уползали подальше, едва заслышав шум, но вот чтобы так угрожающе шипеть...

– Ш-ш-ш, – вновь раздалось неподалеку, а кусты по правую руку вдруг зашевелились. Не желая выяснять, что это за змея такая, которая не ползет по земле, а шевелит кусты на уровне моего бедра, я рванулась обратно в пруд, но допрыгнуть не успела. Прямо в полете меня

перехватило за талию нечто и резко рвануло в заросли. Я закричала, но крик оборвался, потому что в рот тут же набилась листва. Ветки нещадно хлестали по лицу, и пришлось закрыться ладонями, пока нечто тащило прямо сквозь заросли. Меня волокло по земле и над землей, сквозь кустарник и высокую траву. Один раз взметнуло выше, перекинув на другую сторону узкого, но глубокого рва.

Оцарапанная, избитая и жутко сдавленная поперек талии чем-то гибким и сильным, напоминающим змеиное тело, я внезапно получила свободу и упала на землю. Шире раскрыв глаза, уставилась на толстый зеленый побег, который раскачивался неподалеку от моего лица и шипел.

Забреди я по глупости в лес, не удивилась бы наличию какой-то растительной твари, но ведь на берегу пруда безопасно. Купальни – территория школы, а потому абсолютно защищенное место, даже если подойти к ним не со стороны схода, а с противоположного берега. Так должно быть, по крайней мере, но так не было. Странный побег продолжал угрожающе раскачиваться надо мной и, когда сделала попытку нащупать рукой хоть какую-то палку для защиты, снова зашипел.

Я притаилась, размышляя, как же теперь быть, когда послышался другой звук. Тихий шорох и шелест, точно что-то большое ползло по листве, направляясь в нашу сторону.

Наплевав на странное растение, изогнувшееся к кустам, я взвилась на ноги и помчалась назад, игнорируя боль в теле и ребрах, разгоняясь быстрее, чтобы перепрыгнуть через ров. У самого края что-то полоснуло по коленям, и я упала, покатила по земле и уцепилась за торчавший наружу корень, притормозив это головокружительное вращение. Злостный побег обмотался вокруг щиколоток и потянул обратно, а я ухватилась со всей силы, стараясь удержаться, и завизжала на самой высокой ноте.

Вдруг растение ослабило хватку и отпустило, взметнувшись выше моего роста, чтобы тут же резко хлестнуть ударом сверху вниз. Я перекатилась на спину и закрылась руками, испугавшись, что этому чудовищному существу достанет силы раздробить человеческий череп, но послышался хруст. Быстро взглянув вверх, увидела, что чудовище атаковало не меня. Оно переметнулось через ров, а мне пришлось запрокинуть голову, чтобы увидеть, как толстый стебель перехватили и сжали две широкие ладони. Защитник, упершись ногами в землю, стоял по ту сторону и сдерживал мечущийся побег, который шипел и пытался вырваться. Со стороны выглядело так, словно тен Лоран его душил, но Эташ вдруг резко дернул растение со всей силой. Шипение стихло, а побег из ярко-зеленого за мгновение стал бурым и неожиданно осыпался.

«Эташ», – хотелось мне позвать, но попытка окончилась бесславно, завершившись каким-то тихим писком. Опершись локтями о землю, я попыталась подняться, и вот тут из кустов позади преподавателя взметнулись сразу два зеленых щупальца. Они обвились вокруг его запястий и потащили в разные стороны. Мышцы на руках тена Лорана напряглись, заходили буграми, а злостные стебли, напоминавшие собой два аркана, затянулись еще туже.

– Мерзопакость какая! – Ко мне вернулся дар речи и возникла жуткая злость на беспричинно атакующую нас флору. – Сейчас я вам задам, – твердила под нос, обыскивая глазами землю, пока не заметила толстую палку. Я доползла до нее, перехватила покрепче и, пошатываясь, поднялась, чтобы броситься на помощь защитнику, однако опоздала. Два бурых щупальца уже осыпались на моих глазах, когда я застыла, высоко подняв свое оружие над головой.

– Арис Лоран, что это? – У меня завибрировал голос, и руки, с зажатой в них дубиной, медленно опустились. – Что это было? Я купалась, а когда вышла, вдруг оно, не знаю что, как набросилось...

Шорох позади заглушил все вопросы, и первое движение – обернуться – было прервано резким:

– Замрите!

Бывает достаточно правильного тона, который действует сразу на подсознание. Ты сперва действительно замираешь, а после задумываешься, почему так безоговорочно послушалась.

Что там, позади меня?

– Ставьте щит, – защитник говорил медленно, размеренно и тоже не двигался, – а на счет три бегите ко мне и прыгайте. Один...

Щит, щит, Цахарис, тот самый щит?

– Три!

С визгом «я забыла, как ставить щит!» бросилась к защитнику и взвилась ввысь, перескакивая через ров, а Эсташ поймал меня на лету, дернул к себе и резко развернулся на месте, загораживая всем телом. Мне послышался свист, а тен Лоран уже расцепил ладони, чтобы сотворить молниеносный символ. Воздух вокруг заколебался, пошел мелкой рябью, и послышалось мерное гудение щита.

– А-а-а!.. – Мой крик звучал на одной ноте, но очень тихо. Это был даже не крик, а громкий сип, потому что, оказавшись лицом к зарослям, я увидела ту самую ползучую тварь, от которой закрыл меня защитник. Это нечто взметнулось сейчас на высоту десяти Марион и с силой опустилось на наш щит. Гигантский даже не побег, а растительный осьминог, перемещающийся на своих зеленых щупальцах, замер по ту сторону рва. Он весь был усеян жуткими ярко-оранжевыми шипами, а еще, готова поклясться, но видела челюсти, настоящие челюсти в центре растительной головы, похожей на росянку-переростка.

Эсташ вдруг принялся разжимать мои пальцы, которыми я уцепилась за его рубашку, даже слышался треск ткани, а несколько пуговиц отлетело.

– Не паникуйте, Мариона.

Не паниковать? Легко сказать. Он к этой дряни стоял спиной, а я видела все две или три сотни мелких красных глазок, как у страшного паука, и смотрели они очень злобно и очень плотно. Мои пальцы разжали, но я тут же уцепилась за шею защитника. В конце концов, сила оказалась на его стороне. Эсташ высвободился из крепкого девичьего захвата и повернулся-таки лицом к атакующей, но до сих пор не пробившей щит осьминоге.

Я снова ахнула, заметив в спине тен Лорана три длинных шипа, разорвавших ткань и вошедших под кожу. Это ему досталось, когда меня ловил и закрывал, не успев еще поставить щит. Только подумала о щите, как воздух вокруг перестал гудеть, а гигантское растение стремительно рванулось вниз. Эсташ раскинул руки, точно вознамерился схватить его в объятия, но осьминога отшатнулась и завизжала, а я широко раскрытыми глазами наблюдала за ровными переливами пламени в руках Эсташа, которые взметались и опадали, подобно языкам костра. И, прокручивая эти колеблющиеся язычки, точно настоящий жонглер, защитник сделал шаг вперед. Мне очень хотелось вцепиться в его рубашку и удержать на месте, чтобы не ходил к жуткой росянке, но тен Лоран продолжал наступать, а я кое-как совладала с собой. Осьминога тихонько отползала обратно в кусты... и вдруг метнулась почти молниеносно, скрываясь с наших глаз, а тен Лоран размахнулся и запустил ей вдогонку огненный шар. Громкий писк ударил по ушам так, что захотелось зажать их ладонями, а потом послышался хруст, шорох, свист, гудение щита, отскочившие от него оранжевые жала – все это почти одновременно, – и звуки стихли.

– Вы ее... – голос опять вибрировал, выдавая дикое волнение, – как бы уже все?

– Как бы да, – ответил на это защитник и, уронив руки, зачем-то медленно опустился на колени.

– Арис Лоран, у вас в спине...

Я наклонилась, протянула руку и была вновь остановлена повелительным:

– Не трогайте. Они ядовиты.

– Арис Лоран!

– Не нервничайте, Мариона. Просто подождите немного.

О, я умею не паниковать и не нервничать. Всегда в подобных ситуациях так поступаю, отлично держу себя в руках.

– Насколько они ядовиты, арис Лоран?

– Смертельно... для людей, не для... – Он так и не договорил, медленно повалился на бок, не закончив фразы.

– Арис! Арис! Эсташ...

Быстро опустившись на колени, я принялась выплетать сложные фигуры, стараясь не торопиться, чтобы не допустить ошибки, и протянула ладони в сторону тен Лорана. Зацепила плетением один из шипов, точно щипцами, резко дернула наружу. Прodelала то же самое со следующим и еще с одним, выдержнув все. Эсташ лежал без движения, и мне пришлось склониться ниже, ухватить за плечо и осторожно перевернуть его на спину. Когда положила ладонь на мужскую грудь, послушать сердце, тут же резко отдернула и даже подула. Его кожа так горела!

– Арис Лоран, вы слышите меня?

По его лицу пробежала судорога, тело изогнулось, пальцы забрали в горсть комья земли и снова разжались.

– Эсташ, вам больно?

Глухой стон был ответом.

Прижала ладони к его щекам, а он дернулся всем телом, и я отшатнулась, снова обжегшись.

Попыталась взять под контроль свои чувства и, как просил тен Лоран, не паниковать. Он ведь говорил подождать, а не бежать со всех ног или громко звать на помощь. Эсташ явно хотел добавить, что яд смертелен для человека, а не для защитника. Подвинув поближе дубинку, я поудобнее перехватила ее, озираясь по сторонам и прислушиваясь, успокаивая себя тем, что тен Лоран со всеми дикими растениями уже справился.

Эсташ снова вздрогнул – один, второй, третий раз; я быстро коснулась его лба, и мне показалось, что жар стал немного меньше.

Значит, он будет в полном порядке, надо только немного повременить. Что с ним может стать, когда его полкласса девиц опоило приворотом, а он меня только два разика поцеловал, потом встряхнулся и пошел себе дальше. Ничего с ним не будет, правда-правда. Но что же так долго приходится ждать?

– Арис, – осторожно потрясла его за плечо, но в этот раз он не отреагировал, и в испуге я снова положила руку ему на грудь – сердце билось.

Легонько погладив, внимательно вглядывалась в напряженное лицо, от всей души желая, чтобы Эсташу не было слишком больно, как вдруг кончиками пальцев ощутила нечто странное, точно легкая щекотка пробежала по коже. Опустив глаза вниз, увидела в разорванном вороте рубашки контуры непонятного рисунка. Черно-золотистые, плавно скрещивающиеся линии напоминали собой... шире распахнула рубашку – напоминали крылья.

Я уже видела этот символ. В конце злополучного письма с отказом был отпечаток, судя по форме, фамильного перстня. Вспомнила, как касалась его, обводя по контуру кончиком пальца, пристально рассматривая, и сейчас вновь обрисовывала знакомые очертания, только уже на мужской груди. Вся кожа Эсташа показалась прохладной, а вот от линий, напротив, полыхнуло жаром, настолько яростным и обжигающим, что мне разом стало хуже, чем в самое томительное пекло. Мозг в голове напрочь расплавился.

Я ловила собственные ощущения, фиксируя их краем сознания. Линии странной символики на мужской груди изгибались под пальцами, и я не могла оторвать ладонь. Мне становилось все жарче и жарче от непонятных чувств. Показалось, что ворот купальной рубашки сильно сдавливает шею, и я дернула за него. Раздался громкий треск, рубашка сползла вниз, открыв одно плечо. Коса, в которую заплела прежде волосы, показалась слишком тугой, из-за

этого ныла голова, и я растрепала волосы. Совершая все эти действия, не прекращала странного занятия, понимая, что мне просто невыносимо жарко.

Губы приоткрылись, делая вдох, чувствительность кожи обострилась до предела, движения замедлялись, пока пальцы не замерли в одной точке, а я (после не могла объяснить, зачем это сделала, как и простить себе подобную выходку) наклонилась и коснулась этих крыльев губами. Легче перышка ведя вдоль плавной черты, обрисовывала загадочный символ, когда мужская грудь вздрогнула, напряглась, а низкий голос спросил:

– Что вы делаете, Мариона?

Подняла затуманенный взгляд на тен Лорана. Он смотрел на меня.

А что я делаю?

Медленно отстранилась, схватила за растрепанную косу, перекинула на грудь и принялась вновь заплетать, разглядывая защитника. Красивый и такой же идеальный, как совершенные линии его татуировки. Смотрела я, нисколько не смущаясь своего интереса. Заплетая волосы почти до половины, не закончила, поднесла руку к губам, закусила палец и всерьез задумалась, а что же я делаю. Облизнув губы, ответила:

– Рисую.

Эташ резко перехватил вновь устремившуюся к татуировке руку, быстро отвел в сторону и окинул меня пристальным взглядом. Видимо, искал следы колючек, которые вызвали это ненормальное поведение или даже галлюцинации. Рисовать руками и губами на чужом теле! Весьма удивительное занятие. Никаких следов постороннего вмешательства защитник на мне не нашел. Да и не мог, ведь лично загорол собой от злобного растения.

Я дернула небрежно плечом и удивленно посмотрела на него, обнаружив, что оно выглядывает из порванного ворота рубашки. Ткань короткого наряда едва закрывала бедра, плотно прильнув к телу. Я снова в растерянности посмотрела в лицо защитника, пытаюсь отыскать ответ в его бесстрастных чертах и начиная понимать, что здесь явно что-то не так. Под взглядом Эташа это понимание становилось все сильнее.

Закусив палец до боли, мигом пришла в себя и со всей ясностью осознала, *что* сейчас делала. Я целовала бессознательного преподавателя – и куда? В душе поднялось нечто невообразимое: жгучая смесь стыда, растерянности и отголосков тех ощущений, которые накатили во время моих нескромных действий. А еще я бесстыдно гладила его и открыто любовалась как мужчиной, глядя прямо в глаза.

– Ай, – тряхнула прокушенным пальцем.

Жуть, какая жуть! Лучше бы меня съела осьминога! Сейчас он что-нибудь скажет. Вот-вот, сейчас. Жесткие, суровые слова непременно в воспитательных целях, чтобы призвать к порядку, чтобы потом и мысли не возникло выкинуть нечто подобное. И слова эти меня добьют. Можно будет навсегда стать невидимкой и никогда, никогда больше с ним не встречаться.

Губы его шевельнулись, и я пришла в невероятное беспокойство, желая зажмуриться и просто исчезнуть.

– Берете реванш, Мариона?

А? Что беру? Реванш?

И тут до меня дошло. Вспомнила о происшествии в преподавательской башне, его поцелуях и даже выдохнула, сообразив, как он все это повернул. В истинно аристократической манере, с иронией вдруг осветил абсолютно вопиющий случай с совершенно иной стороны, как-то исключив нравоучения, гнев и недовольство. И можно было даже не проваливаться под землю со стыда, но... но проклятье, я точно помешалась!

– Зачем вам эта дубинка?

Он снова задал вопрос и теперь на совсем далекую от случившегося тему. Я посмотрела на палку, которую умудрилась в какой-то момент подтянуть и крепко прижать к груди.

– Чтобы не сопротивлялся? – поддел Эсташ, и вот эта острая ирония оказалась куда действенной мягких попыток привести меня в чувство.

– Куда мне с вами тягаться, арис Лоран, – слова прозвучали почти непринужденно, разве только голос немного дрожал, – если одно щупальце протащило меня сквозь кусты, а вы с легкостью выстояли против трех.

Он чуть улыбнулся уголками губ, и, вздохнув, я ответила, как думала на самом деле:

– Вы были без сознания, а я боялась, что они вернутся.

– Вы охраняли меня, Мариона?

Искреннее удивление в его голосе и вопрос в глазах навели на мысль, что именно этим я и занималась, пока, перехватив палку покрепче, оглядывалась по сторонам, сидя возле отравленного Эсташа. Да, с дубинкой в руках собиралась защищать защитника. Я бы на его месте сейчас покатила со смеху, а он... Он улыбнулся.

Голову заполнила звенящая пустота, а пораженный взгляд приковался к его губам. Впервые я смотрела, как он улыбается. Не сдержанно, только уголками рта, а по-настоящему. И нужно было видеть, как зарождается эта улыбка, как подсвечивает солнечным теплом удивительные глаза и меняет черты обычно невозмутимого лица. Невероятная, светлая, безумно красивая. Я никогда не видела, чтобы люди умели так улыбаться. Стыд, страх, растерянность – все давящие и темные эмоции мгновенно испарились прочь.

И теперь я не могла оторвать взгляда от его губ. Как в случае с татуировкой вдруг дико захотелось податься вперед и...

Зажмурившись, отползла назад и закрыла лицо ладонями. Что со мной происходит?

Эсташ не прокомментировал этих манипуляций и никак на них не отреагировал, и я в который уже раз удивилась, сколько же в нем такта. Вот такого врожденного, о котором рассказывала донна Солоне, упирая на особое обаяние аристократов, на их благовоспитанность, вдохновляя нас проникнуться, а не подражать.

Сквозь пальцы наблюдала, как тен Лоран отряхивается, убирая налипшие травинки, оправляет рубашку, на ворота которой недоставало не менее трех пуговиц, смахивает грязь с форменных брюк.

– Арис Лоран!

– Да, тэа? – Он вопросительно взглянул на меня.

– Вы дадите время привести себя в порядок? Если можно, я бы сперва сходила в башню, а потом отправилась к директору.

Эсташ слегка наклонил голову, ожидая продолжения.

– Надо хотя бы волосы расчесать, – совсем уж невнятно закончила фразу.

Просьба отсрочить исполнение приговора прозвучала, конечно, жалко. Я и сама понимала, что моя выходка грозила исключением из школы. И не только потому, что нарушила правила гимназии, но главным образом из-за приключившегося нападения и пострадавшего по моей вине преподавателя. Будь здесь другой учитель, он мог бы умереть на месте от яда жуткого растения. В груди каждый раз холод разливался, когда представляла себе возможные последствия.

– Как вам угодно, Мариона, – ответил защитник и, приблизившись, протянул мне руку.

Я ухватила за нее и поднялась с земли, а когда он разжал пальцы, потеряла заколовшее запястье.

– Что это? – На месте покалывания вдруг проявились бледно-зеленые циферки.

– Время сдачи вами оградительного щита, тэа.

– Щита?

– В конце следующего урока продемонстрируете мне идеальный по построению щит, и тогда можем не ходить к директору.

Я даже не сразу его поняла. Стояла, хлопала глазами, пока постепенно соображала, что мне предлагают спасительный шанс не вылететь с позором из академии, а остаться здесь, но впредь усердно заниматься. Конечно же, умей я строить защиту, и Лоран не получил бы ядовитых шипов в спину.

– Щита, – повторила я и, склонив голову, присела в положенном поклоне, невзирая на совсем неподходящий для этого наряд. – Благодарю, арис Лоран. Приложу все усилия, чтобы построить самый идеальный щит.

– Приложите, тэа. – Он слегка усмехнулся и добавил: – До свидания, Мариона, – а после направился в сторону, противоположную купальням.

Мгновенно возникшая тревога заставила меня устремиться следом.

– Арис Лоран, вы один пойдете искать это растение?

Защитник замедлил шаг и ответил:

– Растение уничтожено, но Архъана могут оставлять в земле множество побегов, напоминающих грибницу, а из них рождаются опасные отростки и ловцы, один из которых принес вас сюда. Необходимо найти все и уничтожить.

– Не ходите один!

– Одному проще, тэа, и безопаснее, – обернулся Эсташ, видимо, не чая уже избавиться от настойчивой гимназистки, а я чуть не врезалась в его грудь и быстро отшатнулась, вновь заметив в распахнутом вороте темно-золотистые линии. Пожалуй, лучше бы промолчала, чем вместо этого ляпнуть невпопад:

– У вас татуировка волшебная.

Тен Лоран, которого вполне могла утомить моя компания, хотя я бы ни в жизни об этом не догадалась, вдруг изменился в лице и негромко спросил:

– Что вы сказали?

Явную глупость, если судить по его взгляду. Я попятилась и остановилась, услышав:

– Объясните, Мариона.

И тон такой не терпящий возражений, что не ответить невозможно. Быстро и сбивчиво попыталась объяснить:

– Вы спросили, что такое делала, когда... но сама не знаю. Увидела случайно вашу татуировку, прикоснулась к ней, а потом вдруг... И вот...

Не успела заметить, когда Эсташ сделал быстрое движение и перехватил меня за талию, подтянув к себе. Растерялась и застыла, прикованная взглядом к его глазам. В темной глубине зрачков разгорались, постепенно заполняя светлую радужку, золотые искры и обращались в пламя. С безотчетным нарастающим ужасом я смотрела, не имея сил отвернуться. Ощутила, как озноб пробежал по коже, и, выбросив руки вперед, уперлась Эсташу в грудь, отталкивая, но он не шелохнулся, а, напротив, привлек еще ближе.

Мне казалось, золотое пламя перекинулось на кожу, заполнило голову, и стало так тягостно, а вернее, томительно: тянущая боль в груди, в сердце, внизу живота, невозможность вздохнуть и невероятно сложно совершить любое движение – даже отвернуться. Опасность, угроза и спровоцированная этими ощущениями острая, предвкушающая тревога в теле, что среди зарослей я наедине со взрослым мужчиной стою в короткой рубашке с порванным воротом, которая вновь сползла с правого плеча. И на это обнаженное плечо сейчас легла ладонь защитника. Никаких перчаток, никакого барьера из плотной материи, лишь чистый и пронзительный контакт кожа к коже, которого все приличные девушки обязаны избегать, а стоял Эсташ непозволительно близко. И когда его пальцы прошлишь дальше вдоль шеи, остановившись на затылке и потянув голову вверх, пришлось встать на носочки. Хотя тиски его рук не причиняли боли, но он практически приподнял над землей, ловя мой взгляд, поскольку я все же пыталась увернуться. И тогда вокруг совершенно потемнело, я видела лишь пламя напротив, и едва достало сил прошептать:

– Пожалуйста, не смотрите так.

Он услышал и тотчас отклонился, а мне пришлось совершить поистине титаническое усилие, чтобы отвернуться, не выдерживая больше взгляда в сверкающие глаза нечеловека.

Облегчение накатило мгновенно, как будто разжались тиски. Стало свободно и легко дышать, а тен Лоран убрал ладони, глухо проговорив:

– Простите, Мариона.

Я дрожала, нервно пыталась вдохнуть, и он коснулся ладонью моих волос, легко погладил, мгновенно успокаивая. Дотронулся до лица и рук, проведя от плеч до запястий, слегка сжал и добавил:

– Еще раз простите, я ошибся. Возвращайтесь, пожалуйста, в башни.

И, круто развернувшись, мгновенно отдалился и ушел, затерявшись среди зарослей.

Я стояла некоторое время, глядя вслед, потом подняла руки, вновь ощутив в них легкое покалывание. Все ссадины, царапины и раны исчезли.

Глава 10

Истинный облик

Грея ладони о теплую кружку с чаем, я смотрела в окно, ожидая белоснежного голубка – посланника Аллара. Неугомонная Селеста уже умчалась к директору выяснять подробности появления на территории школы Архъаны, Доминика улетела в библиотеку, искать информацию о древнем плотоядном растении, только я осталась в комнате.

Успела вбежать сюда минуты за две до появления подруги, добравшись вперед гимназисток по укромной тропинке. Стоило присесть на кровать, как дверь сразу же распахнулась, являя взбудораженную Селесту.

– Маришка! Ты где была? – выкрикнула она с порога, но ответа не стала дожидаться, оглушив меня заявлением: – Не представляешь, что произошло на прудах!

– Что? – Мои опасения, связанные со все еще маячившим на горизонте исключением из любимой школы, всколыхнулись вновь.

– Мы переоделись и пошли купаться, Эсташ остался на берегу, а инспектриса вышла позже всех и увидела новые купашки. Я клянусь тебе, она позеленела! Особенно когда одна из девушек подплыла к лежанке и легла на нее. Ткань все так облепила, даже лучше, чем мы представляли, но дону едва удар не хватил. Она как закричит на весь пруд: «Тэа!» А после велела нам немедленно выходить из воды и принялась читать нотации. Эсташ все это время сидел у схода. Знаешь, в такой расслабленной позе и на нас даже не смотрел, только равнодушно осматривал берег. Мы даже заподозрили, будто купашки совсем никакого воздействия на него не оказали. И вдруг прямо на середине проповеди инспектрисы, когда она пыталась запретить нам купаться, он вскочил на ноги и оборвал ее на полуслове: «Ведите девушек в башни».

Я даже не поняла отчего, но мы все сразу послушались. Дона так долго распиналась, а Эсташ один раз сказал, и все рванулись к сходу, даже толкучка у ступенек приключилась. Не пойму сейчас, в чем причина. Может, оттого, что он всегда вежливый, не перебивает никого, особенно женщину, и вдруг такой приказ. Инспектриса совсем переполошилась, давай бегать туда-сюда: «Девушки, вы слышали, слышали?» – Она нас этими воплями насмерть перепугала. Мы тогда и растерялись, давай переглядываться, вдруг кто-то понял, что произошло, а Эсташ попросту исчез с берега. Даже уследить никто не успел, в каком направлении. И без него очень страшно стало. Некоторые девчонки даже расплакались, у меня самой сердце как у зайца колотилось. Боялись шелохнуться. Хорошо хоть дона себя в руки взяла, стала нас уговаривать, успокаивать, кое-как всех организовала.

Я слушала рассказ Селесты, представляя, что бы произошло, утащи кошмарный побег одну из моих подруг.

– Ох, Маришка, какой он властный бывает! У меня даже в груди ноет и дыхание сбивается, как подумаю. Такому мужчине не возразишь.

Угу. Я тоже сперва слушалась, не рассуждая, к своему счастью.

– Перед глазами так и стоит сцена, как он подходит ко мне и говорит: «Я хочу вас поцеловать, тэа». Я бы не смогла сопротивляться.

– Действительно, – буркнула ответ. – Но разве подойти и сказать – это властно? Властно, например, когда поймает невидимой сетью, подтащит к себе, а ты убежать не сможешь, потому что позади прозрачная стена. И вот он тебя к этой стене прижмет, чтобы точно не сопротивлялась, и поцелует.

– О!

Я высказалась, конечно, больше со злости, а когда прикусила язык, было уже поздно. Селесту нарисованная картинка так взбудоражила, что она в мечтательном экстазе чуть не

досказала мне продолжение всей сцены, причем заканчивалась она вовсе не мирным расставанием и извинениями за причиненные неудобства.

– Ой, но ведь никто не может строить такие стены или создавать невидимые сети. Хотя не важно, потому что, если представить...

Уже вся красная от смущения, я решила прервать фантазии подруги, когда в комнату ворвалась Доминика с криком: «Девочки, девочки, у пруда обнаружили Архъану!»

– Кого? – мигом всполошилась Селеста.

– Не знаю еще, но это что-то очень страшное!

Тихий шелест бумажных крыльев за окном заставил меня вскинуть голову, и я увидела на подоконнике сложенного из белой бумаги голубка. С улыбкой протянула к нему руку, и птичка ласково клюнула в запястье, на котором тут же загорелись бледно-зеленые цифры, чуть ниже прежних, погасших до нужной поры. Они давали позволение навестить Олайоша в преподавательской башне через полчаса.

Чай у Аллара отчего-то казался мне вкуснее всех дорогих чаев, присылаемых в гимназию родителями. Может, дело было в особой атмосфере, в настоящем ритуале, начинавшемся с того, что учитель ставил маленький чайник на магическую горелку, а после снимал, едва в воде появлялись пузырьки. Насыпал в верхнюю часть заварника с мелкими дырочками душистую траву, потом сливал этот первый кипяток, а после снова добавлял воды и оставлял настаиваться. Я в это время расстилала на полу учительской старый плед, а Аллар передавал пухлые цветастые подушки, на которых мы и располагались, и небольшое пространство заполнял вкусный аромат. Разливать чай в крошечные глиняные чашки арис доверял мне, говоря, что это женское занятие и его сабен всегда этим занималась.

– У вас ручки изящные, – говорил он, – движения плавные и пальчики тонкие, в самый раз такую крошечную посудку держать. Мужчины что? Грубы, топорны, обхватят лапищей и как плеснут, мигом разольют половину, а здесь каждая капля на вес золота.

И вот так, устроившись напротив друг друга, мы потягивали мелкими глотками чай, наслаждаясь изысканным вкусом, и разговаривали.

В этот раз, доливая воду по третьему кругу, Олайош что-то добавил в заварник. Я успела рассказать ему о походе на пруд и нападении ловца, притащившего прямо в пасть к Архъане.

– Успокоиться тебе нужно, Маришка, – прокомментировал преподаватель, – это хорошее средство, безвредное. Видимо, ты, когда вышла из пруда, наступила на отросток. Эти твари их повсюду разбрасывают, тонкие, длинные, как волосок, тем и ловят своих жертв. Сами ловцы тоже удлиняться могут до нескольких километров от места роста, а силу их ты сама ощутила.

Ощутила. Синяки и кровоподтеки от крепких объятий зеленого побега остались на талии, там, где Эсташ ко мне не прикасался.

– Хорошо, ловцы мыслить не умеют, все приказы они от Архъаны получают. Благо она медлительная, соображает туго, и реакция оттого небыстрая, но лишь в случае, когда ведешь себя спокойно. Совладать с ней почти невозможно. У ловцов сила, а у этой яд. Знаешь, когда гвардиям командующего Этьена приходилось прорубать себе дорогу сквозь дикие леса, немало воинов погибло от похожей отравы, но вполнине слабее. Гибли мучительно, яд их изнутри переваривал.

– Ужасно! – Я закрыла руками лицо, представляя, что довелось перетерпеть Эсташу, пока он изгибался на земле от боли. – А как же защитники справляются?

– Они так созданы, Мариша. На яд их тело реагирует, сжигая всю отраву. Они и в остальном практически неуязвимы, например, очень стойки к девичьим чарам.

И Олайош добродушно рассмеялся.

– Честно, боялась, что вас опоили, поэтому Эсташ сменил вас в купальнях.

– Нет, дорогая. Это я сопротивляться не смог, у меня такой брони вокруг сердца нет. Слаб я, слаб. Прибежали юные прелестные создания, окружили, столько очарования излилось на меня одного. Умоляют: «Ну скажитесь нездоровым, арис Аллар, предложите ариса Лорана в качестве замены». Ох, не устоял я, Маришка. А Эсташу ведь все равно, он и согласился. Ему ваши искушения, что против гигантского панголина⁶ с ножичком для бумаги выйти.

– Как же они женятся – защитники? – тихо спросила, покрепче обхватывая чашку.

– По долгу.

– И совсем не любят?

– Как тебе объяснить? Привязываются, конечно, со временем, да и чувство долга в них очень сильно развито, семью они берегут, никому не позволяют обидеть. Ну а любовь – это, дорогая, если найдется женщина, которая всю его невозмутимость пошатнет, броню расколет, просочится на подкорку сознания и до сердца достанет. Объяснял ведь, что главное их предназначение – защищать, а любовь делает уязвимыми, потому так хорошо они против нее вооружены. Не люди они, Маришка, не люди, и женщин таких, особенных, если по правде, уж не сыскать. Однако вам, девушкам, что ни говори, а вы по-своему рассуждать будете. Пока вконец не разочаруетесь, не отступитесь.

– А что значит, когда у защитника вдруг взгляд загорается? Глаза светятся ярко, невозможно смотреть.

Аллар отстранил чашку, я заметила сжатые губы, но через минуту он снова благодушно улыбнулся как ни в чем не бывало и ответил:

– Это истинный облик защитника. Непривычный для нас, поэтому жутко пугающий. Немудрено в обморок упасть.

– Только если в них смотришь, – тихо согласилась я.

– Лучше не смотреть, – кивнул Аллар, а сам потихоньку снова подлил успокоительного в заварник, когда я на секунду отвернулась.

Проводив ученицу к выходу из башни, Аллар отправился напрямик в мужское общежитие. Верхние этажи занимали гимназисты, которым бегать по бесконечным ступеням было только на пользу, а преподаватели селились внизу, за исключением тен Лорана. Его комната располагалась под самой крышей, отдельно ото всех. Взглянув туда, куда уводила бесконечная на вид винтовая лестница, Олайош грустно вздохнул и начал свой долгий подъем.

На стук защитник отозвался спустя минуту, открыл дверь и, заметив взмокшего друга, без лишних слов впустил того в комнату.

– Что ж ты взобрался на такую высоту? – Аллар отер вспотевший лоб и устремился к узкому окну, чтобы выглянуть наружу и подставить лицо порывам ветра.

– Обзор хороший, – ответил защитник, пока Олайош обводил взглядом окрестности, высокие горы и ущелье, столь хорошо заметное с этой высоты.

Повернувшись к защитнику, Аллар громко хмыкнул, оценив, чем тот был занят.

– Ты научился чинить рубашки и пришивать к ним пуговицы?

– Чему только не научишься в походной жизни. – Друг и бровью не повел.

Олайош присел поближе, в единственное кресло в комнате, тогда как защитник предпочел заниматься своим делом, устроившись на стуле.

– Дал бы виновнице зашивать или, еще лучше, доне Стеар, которая тэа рукоделию обучает, она бы вмиг починила. К чему самому заниматься?

⁶ **Гигантский панголин** – огромный ящер, тело которого покрыто крупными роговыми ромбическими чешуями, налегающими, как черепица, друг на друга; лишь морда, брюхо, низ тела и внутренняя поверхность ног покрыты короткой жесткой шерстью. Чешуи подвижные, их задний край заострен.

– Я попросил у доны белые нитки и несколько пуговиц, – ответил Эсташ и многозначительно повел головой в сторону стола, на котором стояли две коробки, доверху заполненные катушками, и три еще более объемные шкатулки с пуговицами всех цветов и размеров.

– Боюсь, теперь тэа нечем будет шить на своих уроках, – рассмеялся Аллар. – Ты бы сказал доне, что жуткая тварь порвала ворот. Клянусь, завтра же утром тебе вручили бы дюжину новых рубашек.

– Я погрешу против истины, Олайош, если сравню Мариону с жуткой тварью, – парировал тен Лоран.

Аллар на миг помрачнел, вспомнив о происшествии с любимой ученицей, а Эсташ расправил рубашку и придирчиво ее осмотрел.

– Заметно, – покачал он головой.

Приглядевшись, Олайош решил дать совет:

– Ворот был порван неровно, незаметно починить не выйдет. Завтра еще выходной, я как раз собирался в город, давай куплю тебе пару новых на смену.

– Благодарю, не стоит, – твердо отказался Эсташ, а Аллар вздохнул, поняв, что ненароком задел за больное. Директор говорил, что даже деньги за преподавание защитник велел переводить на семейный счет тен Лоранов.

«Гордость, гордость, – посетовал про себя Олайош. – Новой рубашки купить не на что, но он и пары монет не попросит. Ведь знает, что мне в долг ему давать оскорбительно, а просто так не возьмет. Вон и рубашку чинить не отдал, чтобы ему взамен новых не принесли».

Хитро прищурившись, Олайош снова оглядел сосредоточенного защитника, собравшегося пришивать последнюю пуговицу, и решил завтра же в разговоре с доной Стеар посоветовать, как жуткое растение превратило форму Эсташа в настоящие лохмотья.

«Пускай попробует обидеть очаровательную женщину отказом и не принять собственно-ручно сшитый ею подарок», – усмехнулся он про себя.

– Не нравится мне твой взгляд, Олайош, – не поднимая головы, произнес тен Лоран, – что задумал?

Вот ведь внимательный какой!

– Я вот вспоминал, кхм, как моя сабен вещи чинила. Заклинание у нее хорошее было, дай минуту, сейчас вспомню. Погоди-ка, погоди... Вспомнил! Будет совсем незаметно.

И он вытащил из рук тен Лорана рубашку и что-то прошептал, проведя над воротом ладонями. Через секунду нити стали невидимыми, скрыв прежде заметный шов, только и пришитые пуговицы в тот же миг словно испарились.

– Видимо, ты все же подзабыл то заклинание, – задумчиво проговорил Эсташ, принимая рубашку назад.

– Ну, носить можно. На ощупь застегнешь, и готово.

Тен Лоран улыбнулся и вернул пострадавшую вещь на стол, пристально взглянув на вновь озаботившегося чем-то Аллара.

– Что тебя беспокоит?

– Да Маришка тут приходила...

– Я это уже понял, когда ты оговорился про виновницу.

– Ну, кхм, да. Ты же не рассказал никому, что Мариона там была. М-да, надо мне лучше следить за своим языком. Старею.

– Говори, Олайош.

– Знаешь, испугался, если честно. Ты же к девочке воздействие применил. А люди нестойкие, мне ли тебе говорить. Их истинный взгляд защитника с ума свести может, ничем после не излечишь. Маришка чистая душа, конечно, но ведь опасно, да и тяжело.

– Это было минимальное воздействие, я понимал риск.

– Понимал? – У Аллара отлегло от сердца – контролировал, значит.

– Я проверял, – негромко произнес тен Лоран, задумчиво рассматривая деревянную шка-
тулку.

– Зачем?

– Она странно отреагировала на символ защитника.

Олайош на минуту даже затаил дыхание, но не дождался продолжения.

– И как, как в итоге? – нетерпеливо спросил он.

– Испугалась, пыталась закрыться, просила не смотреть.

Отчего-то Аллару стало совсем тоскливо в этот момент, хотя он конечно же не верил,
давно не верил.

– Напрасно все это, Эсташ. Понимаю, что невозможно смириться. Даже я, признаюсь,
могу ощущать эту боль, хотя во мне крови защитника и на треть не наберется. Но их больше
нет. Ни одной. Неужели ты все еще ищешь?

– Из века в век, мой друг, – бесстрастно ответил защитник, а Аллар снова тоскливо
вздохнул.

– Ночью отправлюсь осматривать территорию школы. – Эсташ поднялся, давая понять,
что тема закрыта. Составил вместе коробки и шкатулки и подхватил все одной рукой.

– Хочешь проверить на наличие еще каких-то паразитов?

– Если эти умудрились просочиться, нельзя исключать подобной возможности.

– А днем не лучше? – попытался возразить Аллар.

– Я немало повидал растительных хищников. Многих отметила сама природа, по ночам
их выдает свечение.

– Тогда конечно. – Аллар тоже поспешно встал. – Я вот тоже хотел немного размяться,
а ночью тишина кругом, благодать. Слышно хорошо, если кто громко чавкает. Начну, пожалуй,
с мужских купален.

– Начни с женских, – посоветовал тен Лоран.

– Как бы не так, – хмыкнул Олайош, – ты там все осмотрел.

Глава 11

Приемный день

Видимо, благодаря успокоительному Олайоша я быстро уснула, но вот сны снились какие-то неясные, томительные, жарче самой жаркой ночи, а наутро я не могла их вспомнить. Возможно, сказалась изматывающая духота. Я сбросила легкое покрывало, разметалась на постели, а проснулась в насквозь промокшей от пота сорочке. Все тело ломило, однако кожа была прохладной на ощупь, во сне же почудилось, что каждую клеточку лижут крошечные языки пламени.

В этот выходной нас ожидала встреча с родителями. В гимназии был приемный день, и родственники не только учащихся, но и преподавателей могли приехать с визитом. В большом зале на первом этаже главной башни были расставлены стулья для посетителей. Инспектриса собрала наш класс и, выстроив ровными парами, повела девушек на встречу с родными.

Отца я отыскала практически сразу, он занял место в нише возле окна, где обычно поджидал меня каждый свой визит. Чинно прошествовав через половину зала, не смея позволить себе радостно кинуться ему на шею, я присела в церемонном поклоне.

– Ну, здравствуй. – Он наклонился и пощекотал пышными усами щеку. – Не скучала?

– Конечно, скучала! Как мама?

– Ей дальние поездки нелегко даются, потому и не взял в школу, оставил в гостинице отдыхать. В следующий раз приедет.

– У вас дела в Сенаториуме?

Отец многозначительно хмыкнул и вдруг вынул из кармана алую атласную коробочку.

– Смотри, дочка, какой я тебе подарок привез. – И, раскрыв крышку, извлек наружу алую слезу, похожую на застывшую на блестящей цепочке каплю живой крови. Она так переливалась и сверкала, что казалось, рубиновые искры падают прямо тебе в руки. С трепетом я дотронулась до теплого камня, а отец зашел мне за спину и застегнул украшение на шее.

– Наденешь на ужин в доме сенатора Орсея.

Ах, вот что за повод для такого невероятного подарка! Нужно поразить сенатора. Значит, Арто не соврал.

– А что, дочь, как у вас отношения с его сыном? Прежде он все тебя задирает.

– И сейчас задирается.

– Ну-ну... – Папа причесал пальцами усы и залюбовался мной.

– Какая красавица! Лучше всякой в этом зале. Такого сокровища только высокомерный гордец оценить не сможет. Видишь, даже до закоренелого задиры дошло.

– На что ты намекаешь? Я полагала, это все с нашими рудниками связано.

– Может, и с рудниками, – улыбнулся отец. – Только к чему всю семью на ужин приглашать, если можно приватной беседой в кабинете обойтись.

– Не знаю, – равнодушно пожала я плечами.

– А неплохая замена, правда, Маришка? Эти хотя бы не бедны. Пусть древним именем не блещут, но без богатой невесты родового поместья не лишатся.

– Объясни, пап?

– Только сегодня утром увидел статью в журнале. Собираются на торги дом тен Лоранов выставить. Древний такой особняк, старинный. Имущество описали и пустят с молотка, чтобы с долгами расплатиться.

– Как же это?

– А меньше нужно нос воротить. Да и Цахарис с ними, с гордецами. Расскажи лучше, что у вас нового в гимназии?

– У нас учитель новый по магической защите. – Почему-то эти слова отозвались дрожью в груди, и тяжело оказалось признаться отцу, что тот самый тен Лоран, глубоко обиженный отказом, теперь обучает его дочь.

– И кто? Хоть толковый?

– Эсташ тен Лоран.

– Тот самый?

Кивнула и опустила глаза, чувствуя непонятную вину. Ведь после решительного отказа я практически вешалась защитнику на шею и сама его целовала.

– Вон оно что...

В смущении отвела глаза и посмотрела на двери, как раз когда в них входил стройный молодой человек, чьи черты показались очень знакомыми. Высокий, подтянутый, с характерной осанкой и манерами, с аккуратно причесанными волосами цвета жженой карамели, яркосиними глазами и более дерзкими, чем у брата, чертами лица. Я и секунды не усомнилась, что вижу перед собой младшего тен Лорана, в красивом темно-синем камзоле с серебряным шитьем. Юноша уверенно пересекал зал, провожаемый многочисленными взглядами. Секунду позже эти взгляды вновь переместились к дверям, поскольку в них появился Эсташ. Та же прямая спина, горделивая посадка головы, более чеканный шаг, более аристократические, правильные черты лица и непоколебимое спокойствие. Он со сдержанной улыбкой отвечал на приветствия, пока внимательно искал одного человека.

Когда они встали рядом, я вновь удивилась поразительному сходству, разве только Эсташ оказался немного выше, его волосы были на оттенок светлее, а глаза не отдавали яркой небесной синевой, больше напоминая морскую гладь. Некой порывистостью движений и горячностью во взоре младший тен Лоран сразу давал понять, кто из молодых людей является главой рода. На вид я бы дала брату Эсташа не более двадцати лет, он казался почти моим ровесником.

Уловив воцарившуюся тишину, нарушаемую лишь сдержанным перешептыванием, я поняла, что не одна устала на представителей старинного рода.

– Ишь ты, – подал голос отец, чем вывел меня из транса, – что значит порода!

Густо покраснев, повернулась к нему.

– Он? – безошибочно кивнул папа в сторону Эсташа.

– Да. Как ты угадал?

– Сразу видно, даже гадать не нужно. А тот красавец молодой, видимо, с нерадостными вестями явился. Помяни мое слово, Маришка, старший еще не в курсе, что поместье с молотка пойдет. Вот сейчас ему об этом и расскажут.

Я порывисто обернулась к защитнику.

Со стороны казалось, что братья ведут мирную беседу о погоде, так обманчиво расслаблены были их жесты и мимика. Хотя Эсташ все же владел собой лучше. Я поняла, что брат сообщил ему новость, по поведению самого брата, по вдруг охватившему младшего напряжению, а старший тен Лоран себя не выдал ничем. Юноша же словно покачнулся и, ища опоры, ухватился за плечо того, кто представлялся ему чем-то неизбежным в этом мире, с отчаянной надеждой, что он обязательно придумает и все решит. И Эсташ пытался, он сосредоточенно размышлял, устремив взгляд поверх голов всех присутствующих, не позволяя неожиданной новости, буквально выбившей почву из-под ног, себя оглушить. Я могла понять их обоих, потому что слишком хорошо знала это чувство и ясно помнила, как законники пришли однажды в наш дом и предупредили, что совсем скоро семья окажется на улице. Отец тоже помнил.

– Ишь как насторожились, – прошептал он, оглядев словно бы отвлеченно переговаривающихся посетителей.

Я почувствовала, что Эсташ с братом тоже понимали, как смотрят все вокруг, со смесью злорадства и высокомерного удовлетворения, замешенных на отвращении к бедности и

том подобострастном преклонении перед защитниками, которое в последние годы приобрело почти карикатурный характер. «Мы вами восхищались, – говорило это чувство, – но вы всегда были выше людей, и вот теперь поделом вам. Однако, если вдруг одумаетесь, обратите на нас внимание, если попросите и чуточку унижитесь, мы вам поможем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.